

ГЛАВА V.

Для того, чтобы оградить себя от всякаго рода ошибокъ, для того, чтобы удобнѣе рѣшить интересующій насъ вопросъ объ основныхъ задачахъ науки логики, мы должны были начать съ обзорѣнія разныхъ направлений въ логикѣ. Мы остановились прежде всего на томъ раздѣленіи направлений въ нашей наукѣ, которое большей частью предлагаютъ Нѣмецкіе ученые. Оказалось между прочимъ, что самое дѣленіе это составлено неправильно. Но, во всякомъ случаѣ, мы, придерживаясь этого раздѣленія, обзорѣли рядъ фактовъ, относящихся къ исторіи логики,—если понимать исторію нашей науки въ самомъ обширномъ смыслѣ и включить сюда также явленія, которыми характеризуется современная логическая литература. Мы рассмотрѣли такъ называемую формальную логику съ ея подраздѣленіями на «формальную, въ тѣсномъ» и «болѣе широкомъ смыслѣ»,—формальную логику не-метафизическую и формальную логику, какъ таковая принимаетъ характеръ метафизическій. Но рядомъ съ логикой формальной существуетъ такъ называемая индуктивная логика. Нѣмецкіе ученые въ большинствѣ случаевъ не обращаютъ вниманія на это направление. Игнорируетъ его и то дѣленіе, котораго мы до сихъ поръ при обзорѣніи, такъ сказать, историческаго матерьяла придерживались. Между тѣмъ индуктивная логика имѣла и имѣетъ много приверженцевъ, и упускать это явленіе въ исторіи нашей науки изъ виду едва-ли возможно.

Индуктивная логика развивается рядомъ съ формальной и постоянно противопоставляетъ себя послѣдней ⁴⁰⁴).

⁴⁰⁴) Ср. Herm. Lotze «System der Philosophie. I Th. Logik». 2-te Aufl. Leipz. 1880 p. 353; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 241—

Центръ тяжести у Аристотеля въ его «Аналитикѣ» падаетъ на учение о дедукціи и, именно, о силлогистическихъ умозаключеніяхъ. Что-же касается теоріи индукціи, то послѣдней Великій Стагиритъ посвящаетъ только нѣсколько отрывочныхъ замѣчаній ⁴⁰⁵). При этомъ онъ разсматриваетъ индукцію, какъ неправильно составленный силлогизмъ ⁴⁰⁶), и считаетъ совершеннымъ лишь такой выводъ, гдѣ перечислены всѣ члены. Совершенной у него становится индукція, когда мы рассмотримъ порознь каждый изъ предметовъ, на которые распространяется потомъ нашъ выводъ ⁴⁰⁷) (inductio per enumerationem simplicem).

254; проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложение» стр. 247—248; L. Liard «Les logiciens anglais contemporains». 2-me éd. Par. 1883 p. 1—2; «Un nouveau système de logique formelle. M. Stanley Jevons» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. III. 1877 p. 277—293) p. 277; Kuno Fischer «System der Logik und Metaphysik oder. Wissenschaftslehre». 2-te Aufl. Heid. 1865 p. 104—107; R. Zimmermann «Philosophische Propädeutik». 3-te Aufl. Wien 1867 p. 15; J. Hoppe «Die gesammte Logik». Paderb. 1868 p. 7—8; Ch. Renouvier «Essais de critique générale. Premier essai. Traité de logique générale et de logique formelle». T. I—III. 2-e éd. Par. 1875. T. II p. 244—257; É. Rabier «Leçons de philosophie. II. Logique». 2-me éd. Par. 1888. p. 74—85; Fr. Harms «Die Reform der Logik». Br. 1874 p. 134—136; «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Br. 1881 p. 130—181; K. A. v. Reichlin-Meldegg «System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 9—12; B. St. Hilaire «Logique» («Dictionnaire des sciences philosophiques» par une société de professeurs et de savants. T. III. Par. 1847) p. 608—609; *ibid.* p. 616—617; V. Brochard «La logique de J. Stuart Mill» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. XII. 1881 p. 449—478, 592—614); R. Whately «Elements of Logic». Reprinted from the ninth (octavo) edition. Lond. 1875 p. 151; Ph. Damiron «Cours de philosophie. Logique». Brux. 1837. «Préface» p. XXIII—XXXII; W. Wundt «Logik». Bde I—II. Stuttg. 1880—1883. Bd. I p. 284; E. F. Friedrich «Beiträge zur Förderung der Logik, Noetik, und Wissenschaftslehre». Leipz. 1864 p. 24—25; Em. Charles «Éléments de philosophie». T. II. «Logique. Morale. Éléments de métaphysique». Par. 1885 p. 2.

⁴⁰⁵) Aristotelis «Opera omnia», rec. J. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Anal. prior. lb. II cap. XXV (vol. II p. 415—417); *ibid.* lb. II. cap. XXVI (*ibid.* vol. II p. 417—419); Anal. post. lb. I cap. XVIII (*ibid.* vol. II. p. 501—502); *ibid.* lb. II cap. XV (*ibid.* vol. II p. 617—621); Topic. lb. I cap. X (*ibid.* vol. III p. 68—69). Cp. «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Ethic. Nic. lb. I cap. IV, 5 (p. 3); *ibid.* lb. VI cap. III, 3 (*ibid.* p. 68).

⁴⁰⁶) Aristotelis «Opera omnia», rec. J. Th. Buhle. Vol. I — III. Biponti 1716—1717. Anal. prior. lb. II cap. XXV (vol. II p. 415—417).

⁴⁰⁷) См. мѣста, указанныя въ примѣч. 405-омъ. Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te

Средневѣковые ученые въ громадномъ большинствѣ случаевъ вѣрны Аристотелю. И они также сосредоточиваютъ свое вниманіе на ученіи о силлогизмѣ, причемъ считаютъ силлогизмъ, такъ сказать, единственнымъ орудіемъ истинной науки; съ другой стороны, теорію индукціи они почти игнорируютъ и удерживаютъ Аристотелевскій взглядъ на этотъ путь изслѣдованія.

Почти то-же приходится сказать и о всей такъ называемой формальной логикѣ новаго времени. И здѣсь ученію о силлогизмѣ отводятъ большей частью первое мѣсто, на пріемахъ индуктивнаго изслѣдованія останавливаются мало и обыкновенно разрабатываютъ теорію индукціи въ направленіи, болѣе или менѣе близкомъ къ тому, которое установилъ еще Великій Стагиритъ ⁴⁰⁸⁾.

Далѣе. Теорія силлогизма возникаетъ у Аристотеля на почвѣ ученія о понятіяхъ. И ученіе это, въ видѣ ли грубаго или умѣреннаго реализма или въ видѣ концептуализма, удерживается большей частью въ средніе вѣка, а также въ формальной логикѣ новаго времени.—Но уже во второй половинѣ средневѣковаго періода начинается реакція противъ логики съ подобнымъ содержаніемъ. Реакція проявляется тутъ въ такъ называемомъ средневѣковомъ номинализмѣ, представители котораго отбрасываютъ прежнія логическія формы понятія совсѣмъ и, вмѣсто этого, начинаютъ разсуждать о единичныхъ и общихъ названіяхъ ⁴⁰⁹⁾.—Быть можетъ, подобную-же реакцію нужно видѣть и въ стабой попыткѣ Roger'a Bacon'a и нѣкоторыхъ изъ представителей «Арабской философской школы», если не создать новую теорію индукціи, то, по крайней мѣрѣ, вообще больше заниматься естественнонаучными

Aufl. Tüb. 1862 p. 176—177, а также p. 175—179; C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I p. 318—319.

⁴⁰⁸⁾ Относительно того, насколько представители формальной логики впоследствии измѣняютъ Аристотелевское ученіе объ индукціи и насколько это видоизмѣненное ученіе становится близкимъ къ теоріи, которая принята въ логикѣ индуктивной, см. ниже.

⁴⁰⁹⁾ Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 34—36; *ibid.* p. 152; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 122—130; M. Katzenberger «Wissenschaft vom logischen Denken». I-er Th. «Die Grundfragen der Logik». Leipz. 1858 p. 29; Kuno Fischer «System der Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre». 2-te Aufl. Heid. 1865 p. 98—102; C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. II p. 122 и дальше; *ibid.* Bd. III p. 344 и дальше.

ислѣдованіями и вести таковыя, на самомъ дѣлѣ, нѣсколько иначе, чѣмъ какъ того требуетъ логическая теорія Аристотеля ⁴¹⁰).

Но несравненно болѣе сильную реакцію противъ общепринятаго въ средніе вѣка направленія въ логикѣ представляютъ сочиненія Бекона Веруламскаго ⁴¹¹). Послѣдній особенно стоитъ за всякаго рода опытные изслѣдованія, — въ противоположность силлогистическимъ выкладкамъ, и до нѣкоторой степени вырабатываетъ новую теорію индукціи ⁴¹²), хотя и не отвергаетъ окончательно прежней логики. Теорія силлогизма отступаетъ у него совсѣмъ на задній планъ, и все свое вниманіе онъ посвящаетъ разсмотрѣнію приемовъ индуктивнаго изслѣдованія. Аристотель, какъ мы видѣли, считаетъ индукцію совершенной, если перечислены всѣ тѣ предметы, на которые вы-

⁴¹⁰) У С. Prantl'я тамъ-же (см. примѣч. 409-е) Bd. III p. 120—129; Fr. Ueberweg «Grundriss der Geschichte der Philosophie von Thales bis auf die Gegenwart». Th. I—III. 2-te Aufl. Br. 1865—1866. II Th. p. 153—166; X. Roussetot «Études sur la philosophie dans le moyen âge». 3-me partie. Par. 1842 p. 141—202.

⁴¹¹) Bacon «Oeuvres philosophiques», publ. par. M. N. Bouillet. T. I—III. Par. 1834.

⁴¹²) Мы говоримъ, что Беконъ только до нѣкоторой степени вырабатываетъ новую теорію индукціи. «Система логики» Джона Стюарта Милля, которую мы признаемъ за высшую ступень въ развитіи такъ называемой индуктивной логики, — ибо, если послѣ Милля и сдѣлано что-либо въ томъ-же направленіи, то все-же не переработана вновь вся система индуктивной логики, — эта «Система логики» представляетъ, собственно, нѣчто весьма близко сходное съ тѣмъ, что можно найти уже у Бекона въ различныхъ его сочиненіяхъ. Но достаточно было сравнить Беконовскій «Novum organum» съ Миллевскимъ ученіемъ о приемахъ индуктивнаго изслѣдованія, чтобы убѣдиться, что два эти сочиненія значительно отличаются одно отъ другаго. То, на что Беконъ только намекаетъ, то у Джона Стюарта Милля обращается въ болѣе или менѣе стройную теорію. Возьмемъ Беконовское ученіе о таблицахъ и инстанціяхъ (см. «Novum organum» lb. II aph. X—LII. Ibid. t. II p. 91—233) и сопоставимъ его съ Миллевскими правилами для методовъ индуктивнаго изслѣдованія (J. St. Mill «A system of logic ratiocinative and inductive». People's ed. Lond. 1889. Book III p. 253—285). Мы найдемъ здѣсь большое сходство, быть можетъ, даже просто повтореніе. Но относительно значенія Беконовскихъ таблицъ и инстанцій можно только догадываться, тогда какъ Милль выясняетъ цѣль тѣхъ правилъ, которыя онъ устанавливаетъ. Миллевскія правила выстѣ со всей его логической теоріей, какъ-бы мы на «Систему логики» Джона Стюарта Милля ни смотрѣли, представляютъ, во всякомъ случаѣ, стройное цѣлое, чего нельзя сказать относительно «Novum organum» Бекона Веруламскаго. Основной принципъ, быть можетъ, сохраненъ тотъ-же, но проведенъ этотъ принципъ неодинаково. — Ср. проф. Слб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Слб. 1872. «Приложеніе» стр. 213—214; тамъ-же стр. 229—234.

водъ потомъ распространяется. Съ его точки зрѣнія, индукція есгь простое перечисленіе фактовъ. Пусть, нашъ выводъ гласить, что группѣ предметовъ *M* присуще свойство *p*. Группа *M* состоитъ изъ предметовъ $a+b+c+\dots$. Мы знаемъ, положимъ, относительно *a* и *b*, что имъ признакъ *p* принадлежитъ, и неправильно заключаемъ, будто всѣмъ предметамъ группы *M* это свойство присуще. Если намъ удастся рассмотреть не только *a* и *b* но также и *c*, *d*, *e*, *f* и т. д. — всѣ предметы группы *M*, нашъ выводъ будетъ вполне обоснованнымъ, индукція станетъ полной, совершенной ⁴¹³). Этотъ взглядъ Аристотеля, говоримъ мы, сохраняется и въ средніе вѣка. Противъ подобной *inductio per enumerationem simplicem* возстаеъ Беконъ и называетъ таковую дѣтской ⁴¹⁴). Для того, чтобы сдѣлать правильный индуктивный выводъ, нужно, по его мнѣнію, останавливаться на фактахъ наиболѣе важныхъ, фактахъ, которые, дѣйствительно, выясняютъ разсматриваемый вопросъ. Беконъ и рекомендуетъ составлять особыя таблицы и подбирать *instantias* ⁴¹⁵). При этомъ онъ хочетъ значительно измѣнить общій планъ логики ⁴¹⁶), но все-же ученія о силлогизмѣ, какъ сказано, не выбрасываетъ ⁴¹⁷) и оставляетъ даже «топику» ⁴¹⁸). Беконъ только отнимаетъ у силлогизма то значеніе, которое этому приему придавали въ средніе вѣка, когда смотрѣли на него, какъ на нѣчто такое, безъ чего истинная наука не можетъ сдѣлать ни одного шага впередъ ⁴¹⁹). Вотъ въ чемъ заключается реформа Бекона Веруламскаго ⁴²⁰).

Теорія силлогизма обыкновенно опиралась, говоримъ мы, на ученіе о понятіяхъ. И вотъ, Гоббсъ въ своей «*Computatio, sive logica*» трактуетъ о названіяхъ и предложеніяхъ, вмѣсто того, чтобы го-

⁴¹³) Соответствующія ссылки см. примѣч. 405.

⁴¹⁴) «*Novum organum*» lb. I aph. СШ—CVIII (ibid. t. II p. 61—64).

⁴¹⁵) Ibid. lb. II aph. X—LII (ibid. t. II p. 91—233).

⁴¹⁶) «*De dignitate et augmentis scientiarum*». Lb. V (ibid. t. I p. 243—281).

⁴¹⁷) Ibid. lb. V cap. IV (ibid. t. I p. 270—278).

⁴¹⁸) Ibid. lb. V cap. III (ibid. t. I p. 262—270).

⁴¹⁹) «*Novum organum*». Lb. I aph. XII и дальше (ibid. t. II p. 10 и дальше).

⁴²⁰) Ср. проф. Слб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Предложеніе» стр. 212—214; Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 38—39; L. Rabus «Logik und Metaphysik». Th. I. «Erkenntnisslehre, Geschichte der Logik, System der Logik». Erl. 1868 p. 185—186; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Brl. 1881 p. 137—150; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 403—408.

ворить о понятіяхъ и сужденіяхъ, хотя въ слѣдъ за тѣмъ переходитъ къ ученію о силлогизмѣ.—Разсужденія о названіяхъ мы находимъ и у Локка въ третьей книгѣ его «Опыта о человеческомъ разумѣ» ⁴²¹).

Какъ мы уже говорили, новая теорія борется противъ *inductio per enumerationem simplicem*. Дѣло не въ томъ, чтобы обозрѣть всѣ факты, на которые распространяется индуктивный выводъ. Нужно рассмотреть факты наиболѣе важные, наиболѣе, такъ сказать, краснорѣчивые. Нѣкоторые факты таковы, что въ нихъ уже ясно обнаруживается царящій въ данной области явленій законъ природы. Подобные случаи и слѣдуетъ подыскивать. Количество фактовъ при индуктивномъ изслѣдованіи не должно имѣть того значенія, какое ему придавали прежде. Важно только, чтобы въ фактахъ, которые мы наблюдаемъ, ясно обнаруживалась извѣстная связь причины со слѣдствіемъ. Если мы на нѣкоторомъ ограниченномъ количествѣ случаевъ, быть можетъ, даже на одномъ фактѣ убѣдились въ существованіи извѣстной причинной связи, положимъ, между *a* и *b*, мы уже дѣлаемъ индуктивный выводъ, устанавливаемъ такой или иной законъ природы, ибо въ мірѣ царитъ единообразіе, и одна и та-же причина всегда имѣетъ одно и то-же слѣдствіе, въ мірѣ царитъ такъ называемый всеобщій законъ причинности. Таковъ характеръ новаго ученія объ индукціи. Мы видимъ, что для индуктивной логики весьма важно было а) вообще анализировать понятіе о причинѣ и дѣйствіи и б) ясно и точно формулировать всеобщій законъ причинности. Надъ этимъ и трудятся Беркли, Юмъ и представители такъ называемой Шотландской философской школы.

Что-же касается самыхъ приѣмовъ индуктивнаго изслѣдованія, то ихъ стараются выработать Ньютонъ ⁴²²), Дж. Гершель ⁴²³) и Уэвель ⁴²⁴).

⁴²¹) J. Locke «The Works». In three volumes. The third ed. Lond. 1727. Vol. I. «An essay concerning human understanding».—Гассанди (см. Petri Gassendi «Opera omnia». Т. I. Pars I. «Logica». Lugduni p. 92—99) и Локкъ, кромѣ того, проповѣдуютъ опытное происхожденіе всякаго знанія. Непосредственного значенія эта теорія для логики, строго говоря, имѣть не могла. Но она противорѣчила общепринятымъ взглядамъ времени и, въ этомъ смыслѣ, усиливала реакцію противъ господствовавшего въ то время направленія мысли вообще.

⁴²²) Is. Newton «Philosophiae naturalis principia mathematica». Т. III. Gen. 1742. См. р. 2—5. Ср. проф. Сиб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 214—217; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 408—409.

Наконецъ, Джонъ Стюартъ Милль ⁴²⁵⁾ перерабатываетъ все, что различные представители интересующаго насъ направленія отрывочно высказали, въ одно стройное цѣлое. Если предшественники Милля по большей части трудятся надъ тѣмъ, чтобы *на дѣлѣ* показать, какъ вести индуктивное изслѣдованіе, то Джонъ Стюартъ Милль вырабатываетъ опредѣленную *теорію* индукціи ⁴²⁶⁾. Мы говорили, что послѣдователи формальнаго направленія въ нашей наукѣ обыкновенно исходятъ изъ ученія о понятіяхъ. Милль выбрасываетъ изъ своей «Системы логики» этотъ отдѣлъ и замѣняетъ его разсужденіями о «названіяхъ и предложеніяхъ» ⁴²⁷⁾. О силлогистическихъ умозаключеніяхъ онъ все-же считаетъ нужнымъ говорить ⁴²⁸⁾, но формулѣ силлогизма не придаетъ особаго значенія. Силлогизмъ, утверждаетъ Милль, если мы его будемъ разсматривать отдѣльно отъ того процесса, при которомъ мы устанавливаемъ общее положеніе, играющее въ умозаключеніи роль одной изъ посылокъ, строго говоря, нельзя признать за выводъ. Выводъ есть переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, новому ⁴²⁹⁾. Между тѣмъ всѣ защитники силлогистической теоріи соглашаются, что силлогизмъ составленъ неправильно, если заклю-

⁴²³⁾ J. Fr. W. Herschel «A preliminary discourse on the study of natural philosophy». A new ed. Lond. 1833. См. особ. p. 118—220. Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 217—224; L. Liard «Les logiciens anglais contemporains». 2-me éd. Par. 1883 p. 2—6; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 409—411.

⁴²⁴⁾ W. Whewell «Novum organon renovatum». The third ed. Lond. 1858. См. особ. p. 202—256. Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 224—226; L. Liard «Les logiciens anglais contemporains». 2-me éd. Par. 1883 p. 6—14; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 411—413.

⁴²⁵⁾ J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889.

⁴²⁶⁾ Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 213—214; тамъ-же стр. 229—234; L. Liard «Les logiciens anglais contemporains». 2-me éd. Par. 1883 p. 14; Fr. Ueberweg «System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 81—82; V. Brochard «La logique de J. Stuart Mill» («Revue philosophique de la France et de l'étranger». T. XII. 1881 p. 449—478, 592—614); Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 254.

⁴²⁷⁾ J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889. Book I p. 11—101.

⁴²⁸⁾ Ibid. book II p. 107—147.

⁴²⁹⁾ Ibid. «Introduction» p. 3—5.

чение содержитъ въ себѣ что-либо такое, чего нѣтъ въ посылкахъ. Заключение должно, говорятъ они, содержать въ себѣ только то, что уже дано въ посылкахъ, что такимъ образомъ, собственно, было извѣстно раньше. Силлогизмъ, самъ по себѣ, вывода не представляетъ. Силлогизмъ, по Миллю,—умозаключение, а не выводъ—эти термины Джонъ Стюартъ Милль различаетъ; выводъ (inference) предполагаетъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, а то, что обыкновенно называютъ умозаключеніемъ (ratiocination) состоитъ, объявляетъ онъ, просто въ истолковываніи содержанія прежде уже нами установленныхъ общихъ положеній ⁴³⁰). «Значеніе силлогистической формулы и предписаній для правильнаго ея приложенія—не въ томъ, будто наши заключенія (reasonings) необходимо или, по крайней мѣрѣ, обыкновенно вливаются въ форму силлогизма и согласуются съ этими предписаніями, а въ томъ, что мы такимъ образомъ имѣемъ, какъ-бы для образца, форму, въ которой можно наши умозаключенія всегда воспроизвести (a mode in which those reasonings may always be represented) и которая прекрасно приспособлена обнаружить несостоятельность нашихъ заключеній, если таковыя, дѣйствительно, несостоятельны» ⁴³¹). Что-же касается, собственно, теоріи индукціи, то Милль предлагаетъ четыре метода изслѣдованія: методы совпаденія ⁴³²), различія ⁴³³), остатковъ ⁴³⁴) и методъ сопутствующихъ измѣненій ⁴³⁵). Правила, которыя Джонъ Стюартъ Милль для каждаго изъ этихъ методовъ устанавливаетъ, имѣютъ цѣлью не способствовать разсмотрѣнію возможно большаго количества случаевъ, гдѣ изслѣдуемое явленіе наступаетъ, а дать обзорѣнію фактовъ, на основаніи которыхъ мы индуктивный выводъ дѣлаемъ, если можно такъ выразиться, определенное направленіе. Слѣдуя этимъ правиламъ, мы подбираемъ факты наиболѣе знаменательные. На одномъ или нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ мы убѣждаемся, что изслѣдуемое явленіе *A* имѣетъ причиной своей *B*, и затѣмъ, увѣренные въ

⁴³⁰) Ibid. book II p. 103—131.

⁴³¹) Ibid. book II p. 130. Cp. ibid. book II p. 108—137.

⁴³²) Ibid. book III p. 253—255. Cp. ibid. book III p. 256—259; ibid. book III p. 267—285.

⁴³³) Ibid. book III p. 255—256. Cp. ibid. book III p. 256—259; ibid. book III p. 267—285.

⁴³⁴) Ibid. book III p. 259—260. Cp. ibid. book III p. 267—285.

⁴³⁵) Ibid. book III p. 260—266. Cp. ibid. book III p. 267—285.

томъ, что все въ мірѣ протекаетъ единообразно, что тутъ царитъ всеобщій законъ причинности ⁴³⁶), устанавливаемъ законъ природы и говоримъ: явленіе *A* всегда и вездѣ имѣетъ причиной своей *B*. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ суть логической теоріи Джона Стюарта Милля.

Остается сказать нѣсколько словъ о логическомъ трудѣ Бена ⁴³⁷). Послѣдній относится къ формальной логикѣ вообще еще менѣе враждебно, чѣмъ Милль ⁴³⁸). Онъ даже заговариваетъ о законахъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, причемъ разсматриваетъ, правда, эти законы, какъ *несовершенное* выраженіе общаго принципа послѣдовательности (the principle of Consistency), — принципа, который у него гласитъ: «То, что мы утверждаемъ въ однихъ словахъ или въ одной формѣ выраженія, мы можемъ утверждать и въ другихъ словахъ или въ другой формѣ выраженія» ⁴³⁹). Заговариваетъ Бенъ также о понятіяхъ (the notions), когда трактуетъ о названіяхъ, хотя разсматриваетъ понятія скорѣе съ точки зрѣнія психологической, чѣмъ логической ⁴⁴⁰). Съ весьма большимъ вниманіемъ останавливается нашъ авторъ на дедукціи вообще и силлогистической формѣ умозаключенія ⁴⁴¹). Впрочемъ при помощи силлогизма, говоритъ онъ, подобно Миллю, мы только распространяемъ на частные случаи прежде сдѣланный индуктивный выводъ, которымъ мы и пользуемся при силлогистическомъ умозаключеніи, какъ посылкой. Силлогизмъ помогаетъ намъ пояснять прежніе выводы, а не дѣлать новые ⁴⁴²). Главное свое приложеніе силлогизмъ находитъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы опредѣлить, правильно-ли данное дедуктивное умозаключеніе или нѣтъ ⁴⁴³). Но интересъ у Бена такъ-же, какъ у Джона Стюарта Милля и предшественниковъ послѣдняго, сосредоточивается на индукціи. Всякій индуктивный выводъ, какъ ставятъ дѣло Милль и его предшественники, опирается въ концѣ концовъ н

⁴³⁶) Ibid. book III p. 211—242. Cp. ibid. book III p. 368—376.

⁴³⁷) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873.

⁴³⁸) Cp. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 247—248.

⁴³⁹) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 14—17.

⁴⁴⁰) Ibid. part I p. 38—39; ibid. part I p. 61—77.

⁴⁴¹) Ibid. part I p. 17—19; ibid. part I p. 40—41; ibid. part I p. 133—227; ibid. part II p. 95—102.

⁴⁴²) Ibid. part I p. 210—214; ibid. part I p. 218—219.

⁴⁴³) Ibid. part I p. 165.

всеобщій законъ причинности. Этимъ уже напередъ опредѣляется въ общемъ и самое содержаніе индуктивныхъ заключеній. Индуктивный выводъ всегда представляетъ приложеніе общаго принципа причинности. При каждомъ индуктивномъ выводѣ мы въ результатѣ опредѣляемъ причинную связь между явленіями. Но уже и Милль указываетъ на такъ называемые законы сосуществованія явленій,—законы, въ силу которыхъ два или нѣсколько явленій постоянно наступаютъ одно съ другимъ или съ другими вмѣстѣ. Законы эти также устанавливаются опытнымъ путемъ ⁴⁴⁴). Въ большинствѣ случаевъ это, утверждаетъ Милль, законы выводные,—законы, которые можно въ концѣ концовъ вывести изъ законовъ причинной зависимости между явленіями ⁴⁴⁵). У Бена законы сосуществованія составляютъ особый разрядъ индуктивныхъ законовъ. Индуктивнымъ путемъ, говоритъ онъ, мы, кромѣ законовъ причинной зависимости между явленіями, опредѣляемъ сосуществованіе явленій, опредѣляемъ, что два явленія постоянно встрѣчаются вмѣстѣ ⁴⁴⁶). Большей частью выводы этого послѣдняго порядка опираются, на самомъ дѣлѣ, на принципъ причинности ⁴⁴⁷). Но для нѣкоторыхъ изъ нихъ принципъ этотъ не можетъ служить опорой. Тогда единственнымъ подкрѣпленіемъ вывода является указаніе на то, что въ природѣ всегда и вездѣ имѣетъ мѣсто, именно, такое, а не иное сосуществованіе ⁴⁴⁸). Вся суть при индукціи (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, о которыхъ только что шла рѣчь,—когда выводъ не опирается на законъ причинности) въ томъ, чтобы выдѣлить въ изслѣдуемыхъ явленіяхъ причину и дѣйствіе ⁴⁴⁹). Этого мы и достигаемъ, прибѣгая къ Миллевскимъ методамъ (совпаденія ⁴⁵⁰), разницы ⁴⁵¹), остатковъ ⁴⁵²)

⁴⁴⁴) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889. Book III p. 377—386.

⁴⁴⁵) Ibid. book III p. 380—381.

⁴⁴⁶) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 11—15. Ср. проф. Слб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Слб. 1872. «Приложеніе» стр. 248—249.

⁴⁴⁷) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 11—14.

⁴⁴⁸) Ibid. part II p. 12—15.—Иными словами это значить: тогда приходится вернуться къ прежней *inductio per enumerationem simplicem*.

⁴⁴⁹) Ibid. part II p. 41—49.

⁴⁵⁰) Ibid. part II p. 49 — 57. Ср. *ibid.* part II p. 61 — 62; *ibid.* part II p. 67—76.

⁴⁵¹) Ibid. part II p. 57 — 61. Ср. *ibid.* part II p. 61 — 62; *ibid.* part II p. 67—76.

⁴⁵²) Ibid. part II p. 65—67. Ср. *ibid.* part II p. 67—76.

и сопутствующих ⁴⁵³) измѣненій). Когда причина и дѣйствіе выдѣлены, ничего не стоитъ установить законъ природы. Право на это даетъ намъ принципъ причинности, на которомъ Бенъ и останавливается съ большимъ вниманіемъ ⁴⁵⁴) и который нашъ авторъ сопоставляетъ съ закономъ сохраненія силъ въ природѣ ⁴⁵⁵). Наконецъ, Бенъ включаетъ въ свою «Логику» весьма подробное ученіе объ опредѣленіи ⁴⁵⁶) и рассматриваетъ, такъ сказать, специальную логику каждой изъ наукъ ⁴⁵⁷).

Индуктивная логика наша и продолжаетъ находить себѣ распространеніе преимущественно въ Англіи. Особенно трудно проникаетъ она въ Германію. Впрочемъ о представителяхъ индуктивнаго направленія въ Германіи и во Франціи мы еще скажемъ нѣсколько словъ ниже.

Посмотримъ, каково, на самомъ дѣлѣ, отношеніе между логикой индуктивной и тѣми направленіями, которыя мы уже обозрѣли. Но мы до сихъ поръ имѣли предъ собой только различныя модификаціи формальной логики. Постараемся опредѣлить отношеніе между индуктивнымъ и формальнымъ направленіями въ нашей наукѣ. Характерныя особенности логики формальной мы уже указали. Если мы, сравнивая индуктивную логику съ формальной, намѣтимъ отличительныя черты логики индуктивной, такимъ образомъ выяснится, въ какомъ отношеніи стоитъ индуктивное направленіе къ формальному.

Повидимому, индуктивная логика, такъ сказать, всѣмъ своимъ содержаніемъ отличается отъ формальной. Приверженцы формальнаго направленія говорятъ обыкновенно а) объ основныхъ законахъ ⁴⁵⁸) мышленія (законахъ тождества, противорѣчія,

⁴⁵³) Ibid. part II p. 62—65. Ср. ibid. part II p. 67—76.

⁴⁵⁴) Ibid. part I p. 19—21; ibid. part. I p. 226—227; ibid. part I p. 266—275; ibid. part II p. 16—40; ibid. part II p. 113—115.

⁴⁵⁵) Ibid. part I p. 21; ibid. part II p. 21—40; ibid. part II p. 113—115.

⁴⁵⁶) Это составляетъ у него цѣлую особую книгу (book IV. См. ibid. part II p. 153—198). Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872 «Приложеніе» стр. 249.

⁴⁵⁷) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. II p. 199—368.

⁴⁵⁸) Мы говоримъ только, такъ сказать, о типѣ логики формальной, а каждое руководство, составленное въ духѣ этого направленія, можетъ заключать въ себѣ различныя отступленія отъ этого типа.

исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія), b) о представленіяхъ и понятіяхъ, c) о сужденіяхъ и d) силлогистическихъ умозаключеніяхъ. Сюда только прибавляютъ краткія разсужденія объ индукціи, въ смыслѣ такъ называемой *inductio per enumerationem simplicem*,—когда выводъ дѣлаютъ на основаніи простаго перечисленія фактовъ, на которые заключеніе потомъ распространяется, и когда за самую совершенную индукцію принимаютъ такъ называемую индукцію полную гдѣ намъ удалось составить перечисленіе полное. Правда, Бенъ, одинъ изъ позднѣйшихъ представителей интересующаго насъ направленія ⁴⁵⁹); заговариваетъ о законахъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго, а также и о понятіяхъ. Но понятія онъ разсматриваетъ, съ точки зрѣнія психологической. Да и кромѣ того Бенъ является, сравнительно, весьма умѣреннымъ приверженцемъ индуктивнаго направленія. О силлогизмѣ говоритъ почти каждый изъ тѣхъ ученыхъ, которые придерживаются индуктивной логики, но за таковымъ обыкновенно далеко не оставляютъ того значенія, которое приписываетъ ему логика формальная. Силлогизмъ, собственно, вовсе не—выводъ, объявляютъ намъ (Джонъ Стюартъ Милль), ибо въ заключеніе здѣсь не должно входить ничего такого, чего не было въ посылкахъ, а выводъ есть переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Посылки силлогизма представляютъ обобщенія, установленныя индуктивнымъ путемъ. И самое построеніе силлогизмовъ является при дедукціи только средствомъ для повѣрки нашихъ умозаключеній. Итакъ, отдѣлъ объ основныхъ законахъ мышленія, говоримъ мы, послѣдователи индуктивнаго направленія обыкновенно выбрасываютъ изъ логики совсѣмъ. Отдѣлъ о понятіяхъ и сужденіяхъ они замѣняютъ разсужденіями о названіяхъ и предложеніяхъ. Теорія силлогизма придаютъ значеніе весьма ограниченное. Напротивъ, на ученіи объ индукціи сосредоточивается у нихъ весь интересъ. При этомъ представители нашего направленія хотятъ дать индуктивнымъ изслѣдованіямъ совершенно иную форму. Противъ прежней *inductio per enumerationem simplicem* они

⁴⁵⁹) Ср. выше.

возстаютъ. Такъ сказать, исходнымъ пунктомъ для нихъ оказывается всеобщій законъ причинности, по силѣ котораго каждая причина всегда должна имѣть одинаковое дѣйствіе. Опираясь на этотъ принципъ, послѣдователи разсматриваемаго направленія требуютъ, чтобы мы, не заботясь о собираніи возможно большаго количества фактовъ, лишь старались на частныхъ случаяхъ убѣдиться, что, положимъ, явленіе *A*, дѣйствительно, имѣетъ причиной своей явленіе *B*. Для этого они и предлагаютъ четыре метода индуктивнаго изслѣдованія (Джонъ Стюартъ Милль, Бень). Когда это сдѣлано, когда мы на какомъ-либо частномъ случаѣ или какихъ-либо частныхъ случаяхъ удостовѣрились, что *A* имѣетъ своей причиной *B*, мы, вѣря въ единообразное устройство природы, во всеобщій принципъ причинности, устанавливаемъ законъ природы: *A* всегда и вездѣ имѣетъ причиной своей *B*. Таковъ характеръ индуктивной логики. Нѣкоторые изъ отдѣловъ, которые обыкновенно заключаетъ въ себѣ логика съ направленіемъ формальнымъ, здѣсь, видимъ мы, совсѣмъ выброшены, а въ другихъ ученіе представителей формальной логики значительно измѣнено. И весь интересъ тутъ сосредоточивается не на теоріи силлогизма, какъ это обыкновенно бываетъ въ логикѣ формальной, а на индукціи въ ея новомъ видѣ. Казалось-бы, повторяемъ, между индуктивной логикой и логикой формальной нѣтъ рѣшительно никакого сходства. Казалось-бы, логика, принимая направленіе индуктивное, значительно измѣняетъ предметъ своего разсмотрѣнія и посвящаетъ себя уже вовсе не тѣмъ задачамъ, какія преслѣдуютъ приверженцы направленія формальнаго.

Однако такое виѣшнее несходство можно объяснить и иначе. Положимъ, логика въ разныхъ своихъ такъ называемыхъ направленіяхъ одинаково опредѣляетъ область своего разсмотрѣнія. Предположимъ, предметъ логики остается однимъ и тѣмъ-же, какія-бы направленія эта наука ни принимала. Но область изслѣдованія нашей науки весьма обширна. И вотъ, рядъ ученыхъ и мыслителей занимаются разсмотрѣніемъ, если можно такъ выразиться, одной только части этой области. Общихъ основныхъ задачъ логики такіе ученые при этомъ вовсе не

измѣняютъ. Но, на самомъ дѣлѣ, они по такимъ или инымъ въ большинствѣ случаевъ, такъ сказать, историческимъ причинамъ разсматриваютъ все-же только часть всего предмета логики. И въ послѣдствіи возникаетъ предположеніе, будто такое, а не иное пониманіе предмета и задачъ нашей науки заставляетъ этихъ ученыхъ сузить область логики. Сочиненія ихъ объявляютъ за особое направленіе въ этой наукѣ и говорятъ, что представители подобнаго направленія понимаютъ подъ логикой нѣчто, ограниченное такими-то и такими-то границами. Мы имѣемъ въ виду такъ называемую формальную логику. Мы видѣли, что логика формальная, въ наиболѣе широкомъ смыслѣ слова, задается цѣлью опредѣлить общія особенности нормальной мысли. Такую задачу ставятъ себѣ представители этого направленія. И вотъ, приверженцы формальной логики обыкновенно трактуютъ объ основныхъ законахъ мышленія, понятіяхъ, сужденіяхъ и силлогизмѣ и—въ самыхъ общихъ чертахъ—касаются вопроса объ индукціи, которую Аристотель, напримѣръ, признаетъ за силлогизмъ, неправильно составленный ⁴⁶⁰). Но разсмотрѣніемъ этихъ логическихъ формъ, быть можетъ, еще не исчерпывается вся задача формальной логики. Быть можетъ, нѣкоторыя особенности нормальной мысли, или—точнѣе—особенности нормальной мысли при нѣкоторыхъ ея проявленіяхъ остаются неразсмотрѣнными, если разработать всѣ эти отдѣлы. Между тѣмъ традиціонной программы продолжаютъ придерживаться разные представители формальнаго направленія, и это обстоятельство составляетъ насъ, когда мы говоримъ о задачахъ формальной логики, не только утверждать, что логика формальная стремится указать особенности нормальной мысли, но и тотчасъ оговариваться, прибавлять, будто разсматриваетъ таковая, именно, то-то, то-то и то-то. Эта оговорка составляетъ у насъ какъ-бы часть опредѣленія основныхъ задачъ формальной логики; этой оговоркой мы частію опредѣляемъ ея задачи. А два вопроса,—вопросъ о томъ, каковы задачи даннаго сочиненія и какія задачи въ этомъ сочиненіи, на самомъ дѣлѣ, выполнены, какую

⁴⁶⁰) См. примѣч. 406-е.

часть тѣхъ задачъ, которымъ посвященъ данный трактатъ, авторъ, дѣйствительно, выполняетъ, это два отдѣльныхъ вопроса. Пусть, авторъ даннаго сочиненія хочетъ рассмотреть предметъ *A*. Но, на самомъ дѣлѣ, онъ по тѣмъ или другимъ причинамъ рассматриваетъ только часть *A*, именно, *m*, а другая часть *A*, положимъ, *n*, остается неразсмотрѣнной. Это не даетъ намъ права измѣнить нашъ взглядъ на задачи автора. Это не даетъ намъ права утверждать, будто авторъ хочетъ рассмотреть *m*, а не $m+n$, т. е. *A*. Формальная логика стремится опредѣлить особенности нормальной мысли. Выполнена-ли вся эта задача въ сочиненіяхъ, за которыми обыкновенно признаютъ направленіе формальное, или нѣтъ, все-же задачей формальной логики остается — указать такія особенности. И мы не имѣемъ права, рассуждая объ основныхъ задачахъ логики этого направленія прибавлять, въ видѣ какого-то ограниченія предмета, что логика формальная, поставивъ себѣ подобныя задачи, трактуетъ, именно, о томъ-то и томъ-то. Это значило-бы неправильно опредѣлить основныя задачи формальной логики. Рассматриваютъ представители формальнаго направленія весь свой предметъ или только нѣкоторую часть его, самый предметъ этотъ отсюда не измѣняется.

Мы не хотимъ здѣсь сказать, будто приверженцы формальнаго направленія въ нашей наукѣ сами признаютъ, что ихъ ученіемъ наука логики еще не исчерпывается. Пусть, они представляютъ себѣ дѣло иначе. Пусть, они думаютъ, что содержаніемъ обыкновенной формальной логики ограничивается все, что въ области этой науки сказать возможно. Самое дѣло отъ этого не измѣняется. Мы тогда можемъ утверждать, что представители этого направленія допускаютъ нѣкоторую непоследовательность, что, опредѣливъ разъ предметъ логики и рассмотрѣвъ часть этого предмета, они принимаютъ потомъ часть за цѣлое. И задачи формальной логики, какъ ставятъ дѣло ея представители, все-же остаются болѣе шими, сравнительно съ тѣмъ, что выполняютъ эти ученые и мыслители, на самомъ дѣлѣ; задачи эти, говоримъ мы, не измѣняются, если въ силу извѣстной ошибки или по какимъ-бы то ни было другимъ причинамъ предметъ науки логики

оказывается у них разсмотрѣннымъ не весь. Быть можетъ, весьма часто приверженцы формальнаго направленія, говоря о задачахъ нашей науки, тотчасъ-же переходятъ мыслью къ обыкновенному содержанію формальной логики. Но дѣло идетъ тутъ о такомъ или иномъ выполненіи основныхъ задачъ, а не объ измѣненіи самихъ задачъ.

Итакъ, послѣдователи формальнаго направленія выполняютъ лишь часть тѣхъ задачъ, которыя они себѣ выставляютъ. Но вотъ другіе представители науки логики стремятся выполнить другую часть этихъ задачъ; возникаетъ такъ называемая индуктивная логика. Подъ логикой формальной⁴⁶¹⁾ разумѣли тогда уже науку, посвященную такимъ-то и такимъ-то задачамъ и притомъ такъ, а не иначе выполняющую свои задачи, иными словами, науку, которая разсматриваетъ не всякаго рода формы нормальной мысли, какъ это было-бы согласно съ истинными ея задачами, а только, именно, такія-то и такія-то формы,—науку, которая разсматриваетъ, можно было-бы сказать, лишь извѣстную часть общаго предмета логики. Уже въ силу этого одного обстоятельства индуктивная логика, стремясь, какъ сказано, разсмотрѣть другую часть предмета логики вообще, стремясь выполнить, именно, то, что формальная логика должна была-бы выполнить, но что здѣсь по такимъ или инымъ причинамъ выполнено не было, естественно, противопоставила себя логикѣ формальной. Но при этомъ приверженцы индуктивнаго направленія, не обращая вниманія на общія задачи науки логики и относясь къ логикѣ формальной прямо отрицательно, склонны напередъ уже ограничить свой предметъ и объявить логику за науку о томъ-то и томъ-то, т. е., собственно, о такой-то части, сказали-бы мы, предмета логики вообще. И вслѣдствіе этого антагонизмъ между формальной и индуктивной логикой увеличивается еще больше.

Вотъ какъ возникаютъ оба направленія въ нашей наукѣ—формальное и индуктивное, и вотъ каково отношеніе между ними. Формальная и индуктивная логика преслѣдуютъ, говоримъ мы, одинаковыя основныя задачи—опредѣлить общія

⁴⁶¹⁾ Терминъ «формальная логика» вошелъ впрочемъ въ употребленіе позднѣе.

особенности нормальной мысли, въ отличіе отъ ненормальной. Но представители формальнаго направленія рассматриваютъ, на самомъ дѣлѣ, лишь нѣкоторыя изъ формъ нормальной мысли и, повидимому, считаютъ при этомъ всю задачу логики выполненной. Съ другой стороны, послѣдователи направленія индуктивнаго сосредоточиваютъ интересъ свой на другой части предмета нашей науки и, относясь къ формальной логикѣ отрицательно, только и стремятся, сказали-бы мы, рассмотреть известную часть предмета науки логики, а сдѣлавъ это, также склонны признать всю задачу логики выполненной. У приверженцевъ обоихъ направленій предметъ науки логики и ея основныя задачи остаются, строго говоря, одинаковыми. Только формальная логика рассматриваетъ одну часть этого предмета, индуктивная другую. Притомъ представители логики формальной стремятся рассмотреть весь предметъ, но, рассмотрѣвъ, на самомъ дѣлѣ, часть его, считаютъ весь предметъ исчерпаннымъ; послѣдователи-же направленія индуктивнаго только и задаются цѣлью рассмотреть нѣкоторую часть этого предмета и, рассмотрѣвъ эту часть, также полагаютъ, повидимому, что вся задача логики выполнена.

Впрочемъ индуктивная логика имѣетъ, какъ сказано, въ виду главнымъ образомъ процессъ наведенія. Здѣсь трактуютъ о томъ, какъ построить индуктивные выводы, какъ *правильно* построить индуктивные выводы, какъ построить индуктивные выводы, которые были-бы согласны съ *истиной*, — конечно, съ истиной, въ смыслѣ «правды матерьяльной», а не «формальной» только. Логика этого направленія всегда принимаетъ въ расчетъ истинность или не-истинность, а не — послѣдовательность въ мысли только, какъ это дѣлаютъ приверженцы направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». И, когда мы говоримъ о сходствѣ или несходствѣ между индуктивной логикой и — формальной, мы разумѣемъ подъ последней прямо логику «формальную, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», а не — формальную вообще, включая сюда и «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», которая, какъ мы видѣли, составляетъ лишь известную часть логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова».

Но рассмотримъ нашъ вопросъ по-подробнѣе, тогда и самое

отношеніе между логикой индуктивной и формальной лучше выяснится.

Въ содержаніи логики у представителей этихъ двухъ направлений можно, правда, указать и кое-что общее. Бенъ, какъ мы говорили, разсуждаетъ о законахъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго и о понятіяхъ,—впрочемъ о понятіяхъ, съ психологической, а не логической точки зрѣнія. Но послѣдній уже является умѣреннымъ представителемъ индуктивнаго направленія. Можно сказать, что онъ дѣлаетъ попытку примирить индуктивную логику съ формальной ⁴⁶²). То сочиненіе, которое Бенъ посвящаетъ нашей наукѣ, онъ раздѣляетъ на двѣ части и всю первую часть озаглавливаетъ: «Deduction». Другіе послѣдователи индуктивнаго направленія, игнорируя прочее содержаніе формальной логики, обыкновенно все-же считаютъ нужнымъ говорить о силлогистическихъ умозаключеніяхъ. При этомъ они однако высказываются относительно силлогизма совсѣмъ не такъ, какъ приверженцы логики формальной. Когда представители индуктивнаго направленія трактуютъ о силлогистической формѣ умозаключенія, эти разсужденія составляютъ скорѣе опроверженіе логической теоріи силлогизма, чѣмъ отдѣлъ, который одинаково повторялся-бы, какъ въ руководствахъ логики формальной, такъ и въ сочиненіяхъ съ направленіемъ индуктивнымъ. Наконецъ, ученіе объ индукціи мы находимъ и у приверженцевъ формальнаго направленія въ нашей наукѣ. Но дѣло идетъ тутъ опять таки объ *inductio per enumerationem simplicem*. Между тѣмъ послѣдователи интересующаго насъ направленія всю теорію индукціи строятъ, именно, на отрицаніи подобнаго приѣма ⁴⁶³).

Такимъ образомъ нѣкоторые отдѣлы встрѣчаются одинаково, какъ въ сочиненіяхъ съ формальнымъ, такъ и въ сочиненіяхъ съ

⁴⁶²) Ср. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 247—248. — Въ предисловіи къ своей «Логикѣ» Бенъ говоритъ, что трудъ его «имѣетъ цѣлью обнять полный курсъ логики и формальной, и индуктивной» (Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. Part I «Preface» p. III).

⁴⁶³) Мы видѣли, что Бенъ признаетъ также и *inductio per enumerationem simplicem* (см. *ibid.* part II p. 12—15. Ср. выше наше примѣч. 448-e) Но, а) онъ,

индуктивнымъ направлениемъ. Но они разработаны иначе у представителей одного и приверженцевъ другого. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства мы пока будемъ говорить такъ, какъ еслибы въ логикѣ индуктивной вовсе не было рѣчи ни о чемъ такомъ, что равнымъ образомъ обсуждаютъ и представители направлениа формальнаго. Если мы при этомъ допускаемъ нѣкоторую неточность, то это не можетъ привести насъ къ неправильному рѣшенію нашего вопроса. Мы хотимъ показать, что полное несходство между логикой индуктивной и формальной—только кажущееся, что различіе между сочиненіями этихъ двухъ такъ называемыхъ направленій заключается, на самомъ дѣлѣ, не въ логическихъ направленіяхъ, которыя усваиваютъ себѣ разные ученые и мыслители, не въ основныхъ задачахъ, которыя они преслѣдуютъ, а въ чемъ-то иномъ. Игнорируя пока то обстоятельство, что о нѣкоторыхъ вопросахъ логики разсуждаютъ и послѣдователи одного направленія, и представители другого, мы это несходство между индуктивной логикой и формальной только увеличиваемъ, а не уменьшаемъ. Мы беремъ, такъ сказать, возможный максимумъ несходства между разбираемыми направленіями. И, если окажется, что и тогда несходство, собственно, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи вопроса падаетъ, съ тѣмъ болѣе большимъ правомъ это можно будетъ утверждать относительно случая, гдѣ подобное несходство не такъ велико.

Мы видѣли, что формальная логика задается цѣлью указать общія особенности мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной. Постараемся анализировать содержаніе логики индуктивной. Разсмотримъ, не стремится-ли и индуктивная логика къ тому-же, не занята-ли и индуктивная логика, подобно формальной, лишь опредѣленіемъ особенностей нормальной мысли.

какъ сказано, дѣлаетъ попытку примирить индуктивную логику съ формальной, и притомъ b) онъ объ *inductio per enumerationem simplicem* говоритъ какъ-бы вскользь, мимоходомъ, подробнѣе-же на разсмотрѣніи индукции такого рода не останавливается. Наконецъ, c) Бенъ считаетъ подобный приемъ приложимымъ только въ весьма небольшомъ количествѣ случаевъ (именно, когда дѣло идетъ о нѣкоторыхъ законахъ сосуществованія явленій).

Остановимся прежде всего на принятомъ у представителей интересующаго насъ направленія ученія о названіяхъ и предложеніяхъ. Этимъ ученіемъ индуктивная логика какъ-бы стремится замѣнить теорію понятій и сужденій,—теорію, которую можно найти въ любомъ руководствѣ по логикѣ съ направленіемъ формальнымъ.

Еще въ средніе вѣка реакція противъ безусловно господствовавшей тогда формальной логики сказалась между прочимъ въ такъ называемомъ номинализмѣ, представители котораго стали трактовать о названіяхъ, вмѣсто того, чтобы говорить, какъ прежде, о понятіяхъ. Но, какъ средневѣковой номинализмъ, такъ и ученіе приверженцевъ новой индуктивной логики о названіяхъ и предложеніяхъ оказывается, на самомъ дѣлѣ, не логической теоріей,—если держаться того общаго взгляда на нашу науку, который, собственно, принятъ у послѣдователей направленія формальнаго,—а только психологическимъ анализомъ разнаго рода явленій, для логики, правда, дѣйствительно, важныхъ. И, если такой взглядъ возможно сколько-нибудь оспаривать по отношенію къ средневѣковому номинализму, если можно сказать, что развившаяся въ средніе вѣка номиналистическая теорія заключаетъ въ себѣ и, кромѣ психологическаго анализа извѣстныхъ явленій, кое-что еще, то наше утвержденіе все-же остается въ своей силѣ относительно теоріи названій у различныхъ представителей новой такъ называемой индуктивной логики. Повторяемъ, мы рассматриваемъ ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ, съ точки зрѣнія формальной логики. Съ этой точки зрѣнія, говоримъ мы, номинализмъ представляетъ не логическую теорію, а психологическій анализъ извѣстной группы явленій.

Формальная логика вообще задается цѣлью рассмотреть особенности нормальной мысли—иначе выражаясь—опредѣлить формы, въ которыя вливается мысль нормальная, въ отличіе отъ ненормальной. И вотъ, приверженцы формальнаго направленія говорятъ намъ: между представленіемъ и понятіемъ есть коренная разница; представленіе принадлежитъ, если можно такъ выразиться, психологіи только, понятіе—психологіи и логикѣ. Представленіе есть агрегатъ, всякаго рода признаковъ

предмета,—агрегатъ, иногда, такъ сказать, и беспорядочный. Понятіе заключаетъ въ себѣ только признаки особенно важные, существенные, какъ часто выражаются. Въ представленіи мы познаемъ предметъ, такъ сказать, беспорядочно; въ понятіи мы его познаемъ болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ, болѣе или менѣе правильно. Вотъ въ какомъ смыслѣ понятіе есть форма, въ которую складывается лишь мысль нормальная. Вотъ въ какомъ смыслѣ понятіе,—въ отличіе отъ представленія, оказывается формой логической, а не психологической только.

Какъ выше сказано, формальной логикѣ положилъ начало Аристотель. Но у послѣдняго мы встрѣчаемъ нѣсколько своеобразную идею о знаніи вообще. Въ слѣдъ за Платономъ ⁴⁶⁴⁾ Аристотель понятіе о знаніи до нѣкоторой степени ограничиваетъ. Знаніе (ἐπιστήμη) непремѣнно должно у него быть знаніемъ постояннаго, неизмѣннаго, непреходящаго, общаго, существеннаго; иначе оно перестаетъ быть знаніемъ; иначе оно становится мнѣніемъ (δόξα), —въ отличіе отъ знанія ⁴⁶⁵⁾. Переводя подобное утвержденіе на языкъ нынѣшней философской терминологіи, мы можемъ сказать, что Аристотель подъ знаніемъ понимаетъ непремѣнно знаніе ноуменовъ,—въ отличіе отъ знанія феноменовъ. Только знаніе неизмѣннаго, постояннаго есть дѣйствительное знаніе. Знаніе-же измѣнчиваго, преходящаго не есть, собственно, знаніе вовсе: это —лишь мнѣніе, а не знаніе. Только знаніе ноуменовъ есть истинное знаніе; а знаніе феноменовъ, строго говоря, не представляетъ

⁴⁶⁴⁾ Platonis «Opera», ed. Didot. Vol. I. Par. 1856. «Parmenides» 135, a—c (p. 632—633); «Cratylus» 386, c—e (ibid. p. 285); «Theaetetus» 188—189 (ibid. p. 144—146); «Civitas» lb. V, 476—478 (ibid. vol. II pars I. Par. 1846 p. 101—103); ibid. lb. VI, 509 (ibid. p. 121—122); «Timaeus» 51 (ibid. p. 218—220). Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. I Abth. Tüb. 1859 p. 412—414.

⁴⁶⁵⁾ Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I — III. Biponti 1716—1717. Anal. post. lb. I c. XXX (vol. II p. 541—542); ibid. lb. I c. XXXIII, 1—7 (ibid. vol. II p. 548—553); «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaph. lb. V c. II, 10—11 (p. 536); lb. VI c. XV, 1—3 (ibid. p. 554—555); Eth. Nic. lb. VI c. III, 2—4 (ibid. p. 67—68); lb. VI c. VI, 1 (ibid. p. 69). Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 109—111.

знанія. Потому Аристотель и говоритъ, что чувственное воспріятіе ни въ какомъ случаѣ знанія намъ доставить не можетъ ⁴⁶⁶). Знаніе у Аристотеля всегда есть знаніе ноуменовъ, и вотъ, единственно истинное знаніе,—знаніе ноуменовъ складается всегда въ формы понятій. Отсюда ясно, почему Аристотель подъ понятіемъ разумѣетъ совокупность признаковъ, составляющихъ *сущность* предмета, совокупность свойствъ, которыя принадлежатъ предмету, какъ ноумену. Онъ и называетъ то, что въ послѣдствіи обозначили именемъ «понятіе» — λόγος τῆς οὐσίας ⁴⁶⁷). Впрочемъ замѣтимъ здѣсь, что, хотя объ Аристотелѣ и говорятъ, будто онъ *создалъ* философскую терминологию, но терминологія у него все-же еще до нѣкоторой степени запутана, и это, быть можетъ, всего скорѣе слѣдуетъ сказать относительно его логическихъ трактатовъ. Итакъ, въ глазахъ Аристотеля понятіе, въ отличіе отъ чувственнаго воспріятія, представленія, является формой, въ которую необходимо должна складываться наша мысль, чтобы мы обладали истиннымъ знаніемъ, чтобы мысль наша, дѣйствительно, оставалась согласной съ истиной, чтобы она была нормальной. Въ понятіяхъ, въ отличіе отъ чувственныхъ представленій, мы

⁴⁶⁶) Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I — III. Biponti 1716—1717. Anal. post. lb. I c. XXXI (vol. II p. 542—544). Cp. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 111.

⁴⁶⁷) An. post. lb. II c. XII (ibid. vol. II p. 596—606) рѣчь идетъ о томъ, какъ отыскивать то, что составляетъ сущность предмета (πῶς δὲ θερεῖν τὰ ἐν τῇ τί ἐστὶ κατηγορούμενα). И вотъ Аристотель говоритъ: «Φανερόν γάρ, ὅτι ἂν οὕτω βαδίζων ἐλθῇ εἰς ταῦτα, ὧν μὴκέτι ἐστὶ διαφορά, ἕξει τὸν λόγον τῆς οὐσίας», т. е., мы сказали-бы, понятіе о сущности,—и только о такого рода понятіяхъ Аристотель и разсуждаетъ. См. также Metaphys. lb. VI c. XII («Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850 p. 551 — 552). Cp. Anal. post. lb. II c. III («Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. Vol. II p. 560—564); ibid. lb. II c. IX (ibid. vol. II p. 581—583); Topic. lb. I c. III, 2 (ibid. vol. III p. 47—48); ibid. lb. I c. IV, 2 (ibid. vol. III p. 49); ibid. lb. I c. VI, 2 (ibid. vol. III p. 58—59); ibid. lb. VII c. IV (ibid. vol. III p. 354 — 361); Metaphys. lb. IV c. XIII («Opera omnia», ed. Didot. Vol. II Par. 1850 p. 525); ibid. lb. IV c. VIII, 4 (ibid. p. 521); ibid. lb. VI c. IV, 4 — 10 (ibid. p. 540 — 541); ibid. lb. VI c. V (ibid. p. 542); ibid. lb. VII c. III, 7 (ibid. p. 560—561). Cp. также Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung». II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 142—156; Fr. Ueberweg „System der Logik und Geschichte der logischen Lehren“. 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 149 — 152; C. Prantl «Geschichte der Logik im Abendlande». Bde I—IV. Leipz. 1855—1870. Bd. I. p. 210—263.

познаемъ ноумены, а только таковое познаніе, на самомъ дѣлѣ, оказывается знаніемъ, только мысль, проникающая въ міръ ноуменальный, есть мысль, дѣйствительно, согласная съ истиной, мысль нормальная. Въ понятія должна складываться нормальная мысль; понятія суть формы для мысли нормальной, въ отличие отъ ненормальной.—Представители такъ называемаго реализма въ средніе вѣка говорятъ: «*Universalia ante rem*», а болѣе умѣренные между ними: «*Universalia in re*». Они думаютъ, что универсаліямъ, или общимъ понятіямъ соотвѣтствуютъ особія ноуменальныя сущности: крайніе реалисты утверждаютъ, будто этимъ сущностямъ принадлежит бытіе внѣ единичныхъ предметовъ (*universalia ante rem*); болѣе умѣренные полагаютъ, что такія сущности имѣютъ бытіе въ единичныхъ предметахъ (*universalia in re*)⁴⁶⁸). Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія приверженцевъ средневѣковаго реализма, мы въ общихъ понятіяхъ познаемъ сущность вещей, вещи, какъ ноумены. И у нихъ понятіе оказывается формой, обезпечивающей намъ истинное познание, познание ноуменовъ: понятіе—форма, вливаясь въ которую мысль наша всегда бываетъ нормальной. Но, по Аристотелю, внѣ понятій невозможно *никакое* знаніе; реалисты въ средніе вѣка, по крайней мѣрѣ, прямо этого еще не утверждаютъ: согласно съ ихъ теоріей, эти формы важны лишь при познаніи универсалій, т. е. особыхъ ноуменовъ, которые общимъ понятіямъ соотвѣтствуютъ, а во всякаго рода иныхъ случаяхъ мы къ формѣ понятія, быть можетъ, и не прибѣгаемъ. Впрочемъ и представители реализма часто говорятъ, что внѣ общихъ понятій наше знаніе становится неяснымъ, сбивчивымъ⁴⁶⁹). Какъ-бы то ни было, и у Аристотеля, и у средневѣковыхъ реалистовъ понятіе оказывается формой, которая гарантируетъ (всегда или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстномъ разрядѣ случаевъ) прямо истинность, нормальность нашей мысли.—Но уже въ средніе вѣка на ряду съ доктриной реализма возникаетъ такъ называемый концентуализмъ. Приверженцы этого послѣдняго на-

⁴⁶⁸) У Fr. Ueberweg'a тамъ-же (предш. примѣч.). p. 152; у С. Prant'ля тамъ-же (предш. примѣч.). Bd. II p. 118—151; *ibid.* Bd. II p. 305—307; *ibid.* Bd. II p. 249; *ibid.* Bd. III p. 75—79; *ibid.* Bd. III p. 87; *ibid.* Bd. III p. 99 и пр.; проф. Спб. ун. М. И. Владиславлевъ «Логика». Спб. 1872. «Приложеніе» стр. 92—94; Fr. Harms «Die Philosophie in ihrer Geschichte. II Th. Geschichte der Logik». Berl. 1881 p. 112—121.

⁴⁶⁹) См. у Fr. Harms'a *ibid.* (примѣч. 468-e) p. 112—121.

правления смотреть на универсалии просто, какъ на нѣчто, созданное человѣческимъ умомъ ⁴⁷⁰). А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ихъ глазахъ, общія понятія уже перестаютъ быть формами, которыя будто-бы непосредственно обезпечиваютъ намъ познание ноуменовъ, формами мысли нормальной, въ этомъ послѣднемъ значеніи слова. Умъ человѣческій естественно, путемъ абстракціи вырабатываетъ общія понятія. «*Universalia post rem*», говорятъ они. Познать возможно и внѣ понятій. Только понятіе представляетъ, быть можетъ, форму *наиболѣе удобную* при познании. — Итакъ, съ точки зрѣнія Аристотеля и средневѣковыхъ реалистовъ, понятіе — форма, которая всегда или, по крайней мѣрѣ, въ случаяхъ извѣстной группы прямо обезпечиваетъ истинность, нормальность нашей мысли. По мнѣнію концентуалистовъ въ средніе вѣка, это — формы, въ которыя человѣческая мысль должна складываться лишь въ виду нѣкоторыхъ *удобствъ* при познании вообще. И этотъ послѣдній взглядъ на логическую форму понятія, иногда, правда, съ измѣненіями въ частностяхъ, — измѣненіями, которыя для насъ въ данномъ случаѣ значенія не имѣютъ, удерживаютъ представители логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», вплоть до настоящаго времени ⁴⁷¹). — Что-же касается ло-

⁴⁷⁰) У Fr. Ueberweg'a *ibid.* (примѣч. 468-e) p. 152; у C. Prantl'я *ibid.* (примѣч. 468-e) Bd. II p. 305—307; *ibid.* Bd. III p. 206; *ibid.* Bd. III p. 237; *ibid.* Bd. III p. 278 и пр.; въ соч. проф. Спб. ун. М. И. Владиславлева (примѣч. 468-e) стр. 92—94.

⁴⁷¹) Впрочемъ мы тотчасъ-же должны сдѣлать оговорку. Гассанди, котораго мы причислили къ приверженцамъ логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», трактуетъ не о понятіяхъ, а объ идеяхъ (Petri Gassendi «*Opera omnia*». T. I. Pars I. «*Logica*». Lugduni p. 92—99). И, если возможно, допустимъ, указать нѣкоторое сходство между его ученіемъ объ идеяхъ (именно, его разсужденіями о совершенствахъ идей) и теоріей понятій у другихъ представителей формальной логики, то все-же отдѣла «о понятіяхъ» у него нѣтъ вовсе. — Съ болѣе широкимъ правомъ можно говорить о сходствѣ между разсужденіями Гютчесона объ идеяхъ и ученіемъ другихъ послѣдователей направленія «формального, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», о понятіяхъ (особенно Лейбница, Chr. Wolff'a и Chr. Aug. Crusius'a, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ. Мы имѣемъ въ виду разсужденія Гютчесона объ «*ideae clarae et obscurae, adaequatae et inadaequatae*». См. Франциска Гютчесона «Сокращеніе логики», пер. на Росс. яз. А. Эттеромъ. Спб. 1819 стр. 22 — 44). Но и послѣдній выбрасываетъ изъ логики терминъ «понятіе», „*notio*“. — Лейбницъ (G. G. Leibnitii «*Opera philosophica, quae exstant latina, gallica, germana omnia*» ed. I. Ed. Erdmann. Berl. 1840. «*Nouveaux essais sur l'entendement humain*» p. 270; *ibid.* p. 310), Chr. Wolff („*Philosophiae Wolfianae contractae*“ tom. I ed. I. Fr.

тики «формальной, въ тѣсномъ смыслѣ», то здѣсь, какъ мы видѣли, принять иной критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли. Приверженцы этого направленія называютъ нормальной мысль послѣдовательную, а не непременно истинную.

Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «Philosophiae rationalis, sive logicae» pars I § 29—57 p. 42—49) и Chr. Aug. Crusius («Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniss». 2-te Aufl. Leipz. 1762 p. 209—413) прямо трактуютъ о понятіяхъ, какъ объ идеяхъ, и можно было-бы думать, что понятіе вовсе не является у нихъ формой логической, — формой, въ которую вливается мысль нормальная, въ отличіе отъ ненормальной. Но, какъ Лейбницъ, такъ и Chr. Wolff много разсуждаютъ объ «notiones clarae et obscurae, confusae et distinctae, adaequatae et inadaequatae» (см. у Лейбница въ названномъ выше изданіи его сочиненій «Meditationes de cognitione, veritate et ideis» p. 79—80; у Chr. Wolffa въ указанномъ выше сочиненіи § 76—101 p. 56—62; Chr. Wolfii «Cogitationes de viribus intellectus humani earumque usu in veritatis cognitione». Ed. nova. Franc. et Lips. 1740 § 9—35 p. 14—34. Cp. «Philosophiae Wolfianae contractae» tom. I ed. I. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «Philosophiae rationalis sive logicae» pars I § 102—148 p. 62—77). И можно сказать, что, правда, не всякое понятіе, но «notiones clarae, distinctae et adaequatae» оказываются, въ ихъ глазахъ, особенно желательными формами мысли, нѣкотораго рода нормами. Притомъ это—формы нормальной мысли, не въ томъ смыслѣ, что видъ этихъ формъ невозможно никакое познаваніе, а въ томъ, что познаваніе протекаетъ несравненно удобнѣе при такихъ формахъ. У Chr. Wolffa можно указать еще одну особенность. Онъ часто говоритъ не о томъ, какъ, на самомъ дѣлѣ, понятія у насъ образуются, а о томъ, какъ они *должны* быть образованы, какія трудности при этомъ представляются («Cogitationes de viribus intellectus humani earumque usu in veritatis cognitione». Ed. nova. Franc. et Lips. 1740 § 1—8 p. 9—14) и какимъ путемъ вырабатываются «notiones clarae, distinctae et adaequatae» (ibid. § 9—35 p. 14—34). Что-же касается Chr. Aug. Crusius'a, то послѣдній посвящаетъ цѣлую главу вопросу «von der Vollkommenheit der Begriffe», — главу, которая весьма близко напоминаетъ разсужденія Лейбница и Chr. Wolffa объ «notiones clarae, distinctae et adaequatae» (см. въ названномъ выше сочиненіи его § 116—199 p. 324—381. Cp. ibid. § 117—165 p. 209—324; ibid. § 200—216 p. 382—413).—У J. G. H. Feder'a читаемъ: «Das Vermögen Aehnlichkeiten zu entdecken, die verborgen lagen, und nach dieser Entdeckung die davon abhängende Begriffe *richtig umzuändern* erfordert eine vorzügliche Stärke der ganzen Denkkraft» («Grundriss der philosophischen Wissenschaften». 2-te Aufl. Coburg 1769 p. 54. Cp. ibid. p. 52—56).—C. Fr. Bachmann заговариваетъ уже о такъ называемыхъ «существенныхъ признакахъ, изъ которыхъ должны составляться наши понятія. «Wir wollen also, говоритъ онъ, Begriff nennen die Einheit in der Vielheit» («System der Logik». Leipz. 1828 p. 80). Возьмемъ, напримѣръ, понятіе о человѣкѣ. «Die unzähligen Individuen (т. е., всѣ люди, которые живутъ теперь, жили прежде и будутъ когда-нибудь жить) sind eigentlich die reale Entfaltung des Begriff's Mensch... und ihre inneren *wesentlichen Bestimmungen*... unser Begriff von ihnen» (ibid. p. 81. Cp. ibid. p. 75—116).

А потому вообще нельзя ожидать, чтобы они рассматривали понятие, какъ форму, которая непосредственно гарантируетъ намъ согласіе мысли нашей съ «матерьяльной правдой». Но—мало того—едва-ли можно думать, будто ученые и мыслители, которые при-

Подобныя разсужденія предполагаютъ, что понятие образуется только изъ существенныхъ признаковъ, что оно составляется, такъ сказать, по особой программѣ, а не случайнымъ образомъ. А такимъ образомъ составленныя понятія создаютъ, на самомъ дѣлѣ, извѣстныя удобства при всякаго рода сложныхъ операціяхъ мысли.—Fr. Fischer различаетъ понятія, которыя образовались естественнымъ путемъ, и понятія, которыя мы себѣ искусственно вырабатываемъ; послѣднія имѣютъ, въ его глазахъ, значительныя преимущества («Lehrbuch für academische Vorlesungen und Gymnasialvorträge». Stuttg. 1838 p. 44—45. Cp. ibid. p. 15—17; ibid. p. 42—59). Можно сказать, что понятие вообще представляетъ у него форму психологическую, а не логическую. Но понятие, искусственно выработанное,—форма логическая, создающая извѣстныя удобства.—Fr. Ed. Beneke много разсуждаетъ о тѣхъ преимуществахъ, которыя имѣетъ вообще понятие, сравнительно съ представленіемъ (это, по его мнѣнію,—Stärke, сила или интенсивность познанія, когда оно вливается въ форму понятія, Klarheit, ясность познанія и Fruchtbarkeit, Gewinn für die Anwendung im Denken,—что понятія приложимы, сравнительно, въ болѣе обширной области, чѣмъ представленія) и—главное—насколько эти преимущества увеличиваются при *правильномъ составленіи* понятій. Слѣдуетъ наблюдать, говоритъ онъ, чтобы понятія въ умѣ человека, дѣйствительно, образовывались правильно («System der Logik, als Kunstlehre des Denkens». Th. I—II. Berl. 1842. Th. I p. 50—71. Cp. ibid. Th. I p. 35—42; ibid. Th. I p. 71—99).—По мнѣнію J. H. Fichte мы въ логическомъ понятіи (der logische Begriff) мыслимъ только нѣчто *существенное*, что, какъ таковое, должно повторяться въ каждомъ изъ предметовъ, которые составляютъ объемъ даннаго понятія («Grundzüge zum Systeme der Philosophie. Erste Abth. Das Erkennen als Selbsterkennen». Heid. 1833 p. 82. Cp. ibid. p. 80—107).—Herm. Lotze утверждаетъ, будто разнаго рода признаки предмета объединяются при составленіи понятій такъ, что соблюдается нѣкоторый порядокъ («System der Philosophie. I Th. Logik». 2-te Aufl. Leipz. 1880 p. 37—38), а совершенное понятие (der vollkommene und verwirklichte Begriff) предполагаетъ при этомъ еще идею объ основаніи, по силѣ котораго мы соединяемъ въ нѣчто единое, именно, такую, а не иную группу особенностей (ibid. p. 38—39. Cp. ibid. p. 14—56).—Herm. Ulrici говоритъ: «Der logische Begriff ist Ordnungskategorie κατ' ἐξουχην» («System der Logik». Leipz. 1858 p. 453. Cp. ibid. p. 448—482). — Ясное и определенное выражаетъ свой взглядъ на интересующій насъ вопросъ L. Strümpell. «Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, говоритъ онъ, нужно различать то, что мы, на самомъ дѣлѣ, мыслимъ, отъ того, что *слѣдуетъ* мыслить (was gedacht werden soll)... Первое мы называемъ понятіемъ, въ психологическомъ смыслѣ, или—коротко — психическимъ понятіемъ (der psychische Begriff), второе—понятіемъ, въ логическомъ смыслѣ, или—коротко—*логическимъ понятіемъ* (der logische Begriff). Пользуясь психическими понятіями, мысль наша стремится прийти къ понятіямъ логическимъ» («Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken». Leipz. 1881 p. 27). Выс-

держиваются этого направленія, предполагаютъ, что форма понятія обезпечиваетъ намъ даже и такъ понимаемую нормальность, нормальность, въ смыслѣ послѣдовательности въ мысли. И у нихъ понятіе—нѣчто такое, что (можно, такъ сказать, интерпретировать

шую ступень во всей лѣстницѣ такого рода формъ мысли занимаетъ логическое понятіе истинное (der wahre logische Begriff. См. *ibid.* p. 29 — 30. Ср. *ibid.* p. 7—74).—Fr. Dittes въ своемъ «Учебникѣ логики» объявляетъ, что въ понятіе входятъ только существенные признаки предмета («Lehrbuch der Psychologie und Logik». 8-te Aufl. Leipz. u. Wien 1882 p. 173—174. Ср. *ibid.* p. 175—186).—«Что такое понятіе?» спрашиваетъ R. Zimmermann. „Понятіе—это то, что, собственно, слѣдуетъ мыслить, когда возникаетъ извѣстное психическое представление, напримѣръ, представление, которое обозначаютъ словомъ «дерево» («Philosophische Propädeutik». 3-te Aufl. Wien 1867 p. 16). «Daraus folgt, dass der logische Begriff ein Ideal ist, nach welchem die psychische Vorstellung sich bequemen soll» (*ibid.* p. 17. Ср. *ibid.* p. 18—34). Такимъ образомъ R. Zimmermann, повидимому, хочетъ сказать, что понятіе—логическая форма, форма нормальной мысли, но форма, обезпечивающая извѣстныя удобства при познании, нѣкоторыя, такъ сказать, второстепенныя совершенства мысли, а не истинность непосредственно.—Какъ утверждаетъ Fr. Harms, понятіе заключаетъ въ себѣ знаніе сущности вещи (Erkenntniss von den Wesen einer Sache). Притомъ это знаніе или эта форма познания, такъ сказать, общеобязательна (allgemeingültig), ибо познание строится по логическому закону достаточнаго основанія: на этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ основывается логическій характеръ такой формы познания («Logik». Leipz. 1886 p. 191. Ср. *ibid.* p. 188—207).

П. Лодій думаетъ, что понятіе состоитъ только изъ существенныхъ признаковъ предмета («Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815 стр. 147. Ср. тамъ-же стр. 130—172).—С. Борзедовскій отождествляетъ понятіе съ идеей, но говоритъ при этомъ объ идеяхъ «истинныхъ, ясныхъ, раздѣльныхъ или подробныхъ, полныхъ или совершенныхъ» («Краткое руководство къ логикѣ». Спб. 1821 стр. 10—12) и даже присовокупляетъ особыя разсужденія «о совершенствѣ идей и о средствахъ къ достиженію онаго» (т. е., совершенства. См. тамъ-же стр. 13—15).—«Понятіе, говоритъ Ор. Новицкій, есть представленіе общихъ *основныхъ* чертъ какого-либо класса предметовъ и явленій» («Руководство къ логикѣ». Кіевъ 1841 стр. 50—51. Ср. тамъ-же стр. 50—75; «Краткое руководство къ логикѣ съ предварительнымъ очеркомъ психологій». Кіевъ 1844 стр. 79—103).—Проф. В. Карповъ трактуетъ о «возможныхъ совершенствахъ и недостаткахъ понятій» («Систематическое изложеніе логики». Спб. 1856 стр. 90—93).

Мы не можемъ не упомянуть здѣсь и о нѣкоторыхъ представителяхъ такъ называемаго метафизическаго направленія въ нашей наукѣ, ибо, какъ мы видѣли, метафизическая логика, въ сущности, ничто иное, какъ логика «формальная, въ богѣе широкомъ» или «въ тѣсномъ смыслѣ этого слова»—только логика формальная съ нѣкоторыми добавленіями.—J. Fr. Fries называетъ понятіе «das erste Hülfsmittel des Verstandes im Denken» («System der Logik». 2-te Aufl. Heid. 1819 p. 107. Ср. *ibid.* p. 107—130; «Grundriss der Logik» p. 26—30) — Fr. Ueber-

слова различных последователей направления «формального, въ тѣсномъ смыслѣ») только создаетъ извѣстные удобства для мысли, а не гарантируетъ намъ прямо ея нормальность ⁴⁷²).

weg опредѣляетъ понятіе, какъ совокупность существенныхъ признаковъ предмета («System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 147—148. Ср. *ibid.* p. 95—188).—Въ томъ-же смыслѣ высказывается К. А. v. Reichlin-Meldegg («System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 63. Ср. *ibid.* p. 63—65).—О другихъ представителяхъ метафизическаго направленія мы здѣсь не упоминаемъ, ибо они начинаютъ обыкновенно прямо «со втораго шага при выработкѣ метафизической логики» (см. выше) и логическіе ихъ взгляды слишкомъ перепутываются съ метафизическими. Говорить о принадлежащихъ имъ взглядахъ на форму понятія значило-бы заходить слишкомъ далеко.

⁴⁷²) Ограничиваясь или, по крайней мѣрѣ, стремясь ограничиться формами мысли и отнюдь не касаться ея содержанія, принимая за критерій нормальности последовательность въ мысли, а не истинность, представители направленія «формального, въ тѣсномъ смыслѣ», боятся, повидимому, даже косвенно затронуть вопросъ о происхожденіи нашего знанія и о томъ, какъ психологически развивается наша мысль (ср. также Кантовскія разсужденія объ «angewandte Logik». Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 77—79; «Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. Hefte 20—21. «Logik». Brl. 1869 p. 15). Они рассматриваютъ обыкновенно понятіе, какъ что-то уже готовое, и на различіи между этой формой мысли и представленіемъ останавливаются далеко не такъ подробно, какъ приверженцы логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». А между тѣмъ, именно, изъ подобныхъ разсужденій и выясняется всего лучше взглядъ различныхъ ученыхъ на значеніе логической формы понятія.—Какъ мы выше видѣли, между Кантовской «трансцендентальной» и его «всеобщей логикой» существуетъ разница въ самомъ направленіи. Только «всеобщая логика» представляетъ, дѣйствительно, логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ». А о «трансцендентальной логикѣ» этого сказать нельзя. Последняя принимаетъ за критерій нормальности истинность, согласіе нашей мысли съ «объективной правдой», такъ что за «трансцендентальной логикой» приходится признать направленіе «формальное, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова»,—хотя Кантъ и приходитъ въ концѣ концовъ къ скептическому выводу и объявляетъ все познаніе наше значительно измѣненнымъ подъ вліяніемъ субъективнаго элемента, который мы, благодаря напередъ намъ даннымъ апіорнымъ формамъ, вносимъ въ объективный міръ. И вотъ, въ «трансцендентальной логикѣ» своей Кантъ говоритъ, что матеріалъ, который доставляютъ намъ чувства, долженъ быть объединенъ въ понятіи: иначе не будетъ мышленія вовсе («Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 92—94; *ibid.* p. 102—103; *ibid.* p. 129—139). Такимъ образомъ, составляя понятія, мы дѣлаемъ шагъ впередъ по тому, правда, приводящему къ весьма сомнительнаго достоинства результатамъ пути, по которому проходитъ наша мысль при всякаго рода познаваніи. Что-же касается «всеобщей логики», то Кантъ здѣсь утверждаетъ, что понятіе отличается отъ представленія характеромъ общности («Sämmtliche Werke»,

Когда мы говорили объ отношеніи между логикой «формальной, въ болѣе широкомъ», и — «формальной, въ тѣсномъ смыс-

herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. Hefte 20—21. «Logik». Brl. 1869 p. 92) и называетъ его «Erkenntnisgrund» (ibid. p. 21. Cp. ibid. p. 98—109).—L. H. Jacob разсуждаетъ, подобно Лейбницу, Chr. Wolffу и Chr. Aug. Crusius'у, о различныхъ степеняхъ ясности (Deutlichkeit) понятій, объ адекватныхъ понятіяхъ и пр. («Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntnis»). 2-te Aufl. Leipz. 1762 p. 48—73).—Такия-же разсужденія встрѣчаемъ и у J. G. C. C. Kiesewetter'a («Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen zum Gebrauch für Vorlesungen, begleitet mit einer weitem Auseinandersetzung für diejenigen, die keine Vorlesungen darüber hören können». I Th. 3-te Aufl. Brl. 1802. II Th. Brl. 1796. I Th. p. 29—34. Cp. ibid. p. 14—48; ibid. «Weitere Auseinandersetzung des Abrisses einer reinen allgemeinen Logik» p. 94—151).—J. Fr. Herbart прямо беретъ понятіе, какъ нѣчто данное, и разсужденій о самой логической формѣ понятія мы у него не находимъ (ср. «Sämmtliche Werke», herausg. v. Hartenstein. Bd. I. «Schriften zur Einleitung in die Philosophie». Leipz. 1850. «Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie» p. 77—90).—Что понятіе представляетъ форму, создающую извѣстныя удобства для мысли,—это яснѣ другихъ высказываетъ Ed. Trummer. Мы у него читаемъ: „Понятіе есть... актъ (ein Act), при которомъ человѣчскій духъ... вносить въ свои представленія единство и *порядокъ*, ясно усваиваетъ себѣ эти представленія (deutlich auffasst) и различаетъ ихъ одно отъ другаго“ („Lehrbuch der Logik». Wien 1861 p. 16 — 17). «Er (sc. der Begriff) ist die *Zusammenfassung* aller *wesentlichen* Merkmale eines Gegenstandes, um diesen selbst geistig zu erfassen und ihn von allen andern zu unterscheiden» (ibid. p. 17). Ed. Trummer и хочетъ установить правила, какъ образовывать понятія (Regeln zur richtigen Begriffsbildung. См. ibid. p. 31—32. Cp. ibid. p. 18—31).—K. V. Stoy заговариваетъ объ «logische Formirung der Begriffe» («Philosophische Propädeutik. Erste Abth. Die philosophischen Probleme und die Logik». Leipz. 1869 p. 20. Cp. ibid. p. 20—23).—По мнѣнію G. Hagemann'a, «ist der Begriff diejenige Denkform, wodurch das Wesen eines Denkjoktes (eines wirklichen oder gedachten Dinges) allgemein ausgedrückt wird» («Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 25. Cp. ibid. p. 24 — 32). Нѣсколько параграфовъ посвящаетъ послѣдній вопросу объ «logische Wahrheit, Klarheit und Deutlichkeit der Begriffe» (ibid. p. 32—36).—Chr. Sigwart прямо различаетъ понятіе, какъ продуктъ психическій (psychologisches Erzeugniss), понятіе, въ метафизическомъ смыслѣ, когда имѣется въ виду извѣстнаго рода отношеніе тождества между понятіемъ и сущностью предмета, и логическое понятіе. Употребляя этотъ послѣдній терминъ, мы не указываемъ вовсе на отношеніе между понятіемъ и объективной дѣйствительностью, говоритъ онъ, а только на логическую форму понятія и имѣемъ въ виду «die durchgängige Festigkeit und Bestimmtheit unserer Vorstellungen und ihre Uebereinstimmung in allen... die sich desselben Bezeichnungssystems bedienen, die formale Brauchbarkeit der Begriffe» («Logik. I Bd. Die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss». 2-te Aufl. Freib. i. B. 1889 p. 316—318. Cp. ibid. p. 318—381).

лѣ», мы коснулись одного обстоятельства, на которое должны обратить вниманіе и здѣсь. Формальная логика задается цѣлью разсмотрѣть особенности нормальной мысли. При этомъ она выставляетъ для формъ человѣческой мысли такой или иной критерій нормальности и ненормальности. Логика «формальная, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», принимаетъ за критерій истинность, «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», — послѣдовательность въ мысли. Но вотъ и у представителей одного направленія, и у приверженцевъ другаго мы можемъ часто встрѣтить разсужденія, напримѣръ, о мысли ясной и неясной, отчетливой и неотчетливой. Какъ мысль ясная и отчетливая, такъ и мысль неясная и неотчетливая можетъ, съ одной стороны, быть и согласной, и несогласной съ истиной, съ другою, — и послѣдовательной, и непослѣдовательной. Такимъ образомъ выходитъ, что при подобныхъ разсужденіяхъ представители науки логики имѣютъ, на самомъ дѣлѣ, въ виду не нормальность нашей мысли, съ точки зрѣнія разъ принятаго здѣсь критерія, а какія-то пня, если можно такъ выразиться, совершенства мысли, — совершенства, которыя еще не гарантируютъ прямо нормальности мысли нашей, хотя, быть можетъ, въ значительной степени и благопріятствуютъ таковой. Словомъ, вообще относительно содержанія логики можно между прочимъ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Логика, принявъ напередъ такой или иной критерій нормальности, разсматриваетъ особенности мысли нормальной, — въ отличіе отъ ненормальной. Но иногда представляется нѣкоторый интересъ говорить тутъ и не прямо о мысли нормальной, а о такихъ формахъ, которыя лишь создаютъ извѣстныя удобства, которыя только благопріятствуютъ развитію мысли нормальной, но еще не обеспечиваютъ намъ таковое. Логика иногда разсуждаетъ не только прямо о нормальности и ненормальности человѣческой мысли, но и о разнаго рода, такъ сказать, добавочныхъ ея совершенствахъ.

Съ точки зрѣнія Аристотеля и приверженцевъ такъ называемаго реализма въ средніе вѣка, понятіе оказывается логической формой, которая прямо гарантируетъ намъ истинность нашей мысли, ея нормальность, — нормальность, какъ

таковую понимают представители логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Въ понятіяхъ мы прямо познаемъ метафизическія сущности, ноумены. Когда у насъ возникло извѣстное понятіе, у насъ уже есть знаніе того или другаго ноумена. Нужно только это знаніе раскрыть, нужно только данное понятіе опредѣлить,—къ этому сводится вся наша задача, разъ мы извѣстное понятіе уже имѣемъ.

Иначе смотреть на дѣло средневѣковые концептуалисты и послѣдователи направленія «формальнаго», какъ «въ тѣсномъ», такъ и «въ болѣе широкомъ смыслѣ», въ новое время. Понятіе у нихъ также является формой не только психологической, но и логической, однако логической формой, которая—мы извлекаемъ изъ соотвѣствующихъ сочиненій то, что почерпнуть тутъ возможно—еще не обезпечиваетъ намъ мысли нормальной, а заключаетъ въ себѣ, такъ сказать, извѣстные совершенства изъ числа добавочныхъ, создаетъ нѣкоторыя удобства при познаниіи и только косвенно благопріятствуетъ такимъ образомъ развитію нормальной мысли. Въ понятіи мы отбрасываемъ признаки случайные и оставляемъ лишь существенные,—оставляемъ только признаки, которые мы должны принимать въ расчетъ при обсужденіи разнаго рода общихъ и отвлеченныхъ вопросовъ.

Итакъ, формальная логика признаетъ понятіе за форму логическую. Только одни изъ представителей этого направленія считаютъ понятіе, такъ сказать, логической формой высшаго порядка, прямо обезпечивающей намъ нормальную мысль, другіе формой порядка низшаго,—формой, которая лишь гарантируетъ второстепенныя совершенства мысли.

Ученіе о понятіяхъ приверженцы индуктивной логики замѣняютъ такъ называемой номиналистической теоріей названій. Въмѣсто того, чтобы трактовать о понятіяхъ, они обыкновенно рассуждаютъ о названіяхъ и говорятъ, что названія прежде всего имѣютъ извѣстное значеніе: мы каждымъ названіемъ что-либо обозначаемъ. Есть названія единичныя и—общія. Единичныя обозначаютъ каждое одинъ только предметъ; общія—цѣлую группу предметовъ или, точнѣе, любой изъ предметовъ данной группы. Но со словомъ, съ названіемъ у насъ

часто ассоциируется не только идея об известном предмете или известных предметах, но и идея о принадлежащих предметам той или другой группы свойствах. Обыкновенно говорят, что название, кроме своего значения, имеет известное «соозначение», что оно обозначает такой-то предмет и соозначает такие-то свойства. Возьмем, положим, название «камень». Слово это обозначает известный предмет; оно приложимо к каждому из предметов известного порядка. Но с этим названием ассоциировалось у нас еще нечто, кроме идеи о предмете такого-то рода. Ассоциировалась с этим словом идея о свойствах, принадлежащих каждому из предметов данного порядка, — свойствах общих всякого рода камням, и название «камень» стало соозначать этот комплекс свойств⁴⁷³). Такова, в нескольких словах, суть номиналистической теории названий. И, если у различных последователей индуктивного направления теория эта и видоизменяется несколько, то, во всяком случае, основной принцип ее при этом не нарушается. Впрочем современный представитель рассматриваемого направления, Бенз, трактуя о названиях, заговаривает, как выше сказано, и о понятиях, но ограничивается тем, что рассуждает о *психологической* форме понятия⁴⁷⁴).

Рассмотрим номиналистическую теорию названий, с точки зрения формальной логики. Представители этого последнего направления стремятся определить общие особенности мысли нормальной, — в отличие от ненормальной. Нам говорят, что существуют названия, что бывают названия единичные

⁴⁷³) J. St. Mill «A system of logic ratiōative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 11—49; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 42—77.

⁴⁷⁴) «Мы можем, говорит Бенз, отождествить и обобщить известное количество предметов по отношению к одному пункту сходства, как-то «круглый»... Когда дело идет о конкретном, эти общности (generalities) называют классами: «круглые предметы»... Когда пункт сходства рассматривается отвлеченно — «круглость» ...абстракцию называют общим понятием (a general notion, a general concept) и часто просто понятием (a notion or concept), и термин «понятие» (the terms «notion» or «concept») нужно рассматривать, как более приложимый к обобщенному качеству, чем к единичному конкретному объекту.

и общія, т. е. что они обозначаютъ или каждое одинъ только предметъ, или каждое любой изъ предметовъ данной группы, что нѣкоторыя изъ названій имѣютъ, кромѣ того, извѣстное соозначеніе, что нѣкоторыя изъ нихъ означаютъ предметы и соозначаютъ свойства, принадлежащія предметамъ данной группы. Во всѣхъ подобныхъ разсужденіяхъ, конечно, идетъ рѣчь не объ особенностяхъ нормальной мысли, и мы прежде всего должны сказать, что номиналистическое ученіе о названіяхъ—не логическая теорія, а что-то иное.

Въ разбираемомъ ученіи дѣло идетъ о названіяхъ,—о словахъ и ихъ значеніи. Каждое названіе, каждое слово представляетъ извѣстный звуковой комплексъ. Съ такимъ звуковымъ комплексомъ или—точнѣе—съ идеей такого звуковаго комплекса ассоціируется въ нашемъ умѣ идея о какомъ-либо объектѣ (въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова). Когда предъ нами данное слово произносятъ, у насъ въ силу ассоціаціи вызывается подобная идея. Этотъ фактъ и имѣютъ обыкновенно въ виду, когда говорятъ, что словамъ принадлежитъ извѣстное значеніе. Впрочемъ сдѣлаемъ здѣсь оговорку. Мы вовсе не хотимъ въ слѣдъ за Гоббсомъ настаивать на томъ, будто названія суть знаки идей, а не объектовъ⁴⁷⁵). Мы только утверждаемъ, что слова ассоціируются всегда съ идеями. Какого рода знаками оказываются слова, каково ихъ значеніе,—этого вопроса мы здѣсь не касаемся. Ассоціируются слова всегда съ идеями, а не съ объектами, обозначаютъ-же они, быть можетъ, объекты, а не идеи, съ которыми ассоціируются. Но рѣшать этотъ вопросъ намъ здѣсь не предста-

Сочетаніе словъ «абстрактная идея» представляетъ выраженіе вполне подходящее (equivalent expression) для обозначенія качества, которое обще какому-либо классу предметовъ» («Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 61—62. Ср. ibid. part I p. 61—77).—Конечно, можно встрѣтить такіа или инія разсужденія о понятіяхъ и у другихъ приверженцевъ индуктивной логики (см., напримѣръ, у W. Whewell'a въ его «Novum organon renovatum». The third ed. Lond. 1858): мы говоримъ только объ общей тенденціи, которая замѣтна у представителей разсматриваемаго направленія.

⁴⁷⁵) См. J. St. Mill «A system of logic ratiōative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 14.

вляется необходимости. Для насъ важно только, что со словами соединяются извѣстныя идеи и въ этомъ заключается значеніе словъ. Такими идеями опредѣляется значеніе словъ. Слова означаютъ то, на что эти идеи распространяются. Говорить о значеніи словъ значитъ говорить о содержаніи такихъ идей. Номиналистическое ученіе о названіяхъ исчерпывается, видимъ мы, разборомъ значенія названій или словъ. Это ученіе посвящено, можемъ мы теперь сказать, разсмотрѣнію, — анализу тѣхъ идей, которыя ассоціировались у насъ со словами. А такъ какъ анализу номиналистическая теорія подвергаетъ *идеи* и такъ какъ теорія эта рассматриваетъ не *логическія достоинства* извѣстной группы идей, а только ихъ *содержаніе*, то мы можемъ сказать, что теорія эта представляетъ *психологическій анализъ* тѣхъ идей, которыя ассоціировались у насъ со словами или названіями, — иначе, — если можно такъ выразиться, психологическій анализъ значенія словъ. Такимъ образомъ мы пока пришли къ слѣдующему заключенію: номиналистическое ученіе о названіяхъ не есть теорія логическая; это — психологическій анализъ значенія словъ.

Пойдемъ дальше. Логика рассматриваетъ особенности нормальной мысли. Но то, что мы мыслимъ, мы обыкновенно выражаемъ въ словахъ. И этого мало. Возможно, правда, мыслить и безъ словъ. Но въ большинствѣ случаевъ мы, размышляя, невольно обозначаемъ въ умѣ нашемъ каждую идею тѣмъ или другимъ словомъ, такъ что даже и тогда, когда мы нашихъ мыслей не передаемъ никому, мы все-же, такъ сказать, мыслимъ въ словахъ, мыслимъ такими идеями, которыя нашли себѣ извѣстное выраженіе въ языкѣ. Отсюда понятно, что анализъ языка, словъ и ихъ значенія для логики важенъ ⁴⁷⁶). А потому можно сказать: номиналистическое ученіе о названіяхъ не есть теорія логическая; это — психологическій анализъ извѣстной группы явленій, но явленій, все-же представляющихъ для логики нѣкоторый интересъ.

Итакъ, въ формальной логикѣ принято ученіе о понятіяхъ.

⁴⁷⁶) Мы уже коснулись этого вопроса выше, когда говорили о тѣхъ ученыхъ, которые сближаютъ логику съ грамматикой.

Правда, только Аристотель и приверженцы средневѣковаго реализма рассматриваютъ понятіе, какъ форму, которая намъ прямо обезпечиваетъ нормальную мысль, а концептуалисты въ средніе вѣка и послѣдователи формальнаго направленія въ новое время ставятъ дѣло нѣсколько иначе. Но и здѣсь понятіе все-же оказывается такой формой, которая, если и не гарантируетъ намъ непосредственно мысль нормальную, то, по крайней мѣрѣ, создаетъ извѣстныя удобства, благопріятствуетъ развитію нормальной мысли. Поэтому теорія понятій, во всякомъ случаѣ, можетъ входить въ составъ ученія объ особенностяхъ нормальной мысли, можетъ принадлежать логикѣ; ученіе о понятіяхъ представляетъ теорію логическую. Между тѣмъ номиналистическое ученіе о названіяхъ—не логическая теорія, а только психологическій анализъ извѣстнаго ряда явленій, впрочемъ явленій, которыя все-же для логики имѣютъ значеніе. Вотъ какъ приходится смотрѣть на номиналистическое ученіе о названіяхъ, съ точки зрѣнія формальной логики. И нужно замѣтить, что представители индуктивнаго направленія, собственно, въ общемъ раздѣляютъ такой взглядъ на теорію названій и ея отношеніе къ логикѣ вообще. По крайней мѣрѣ, это прямо можно сказать о Джонѣ Стюартѣ Миллѣ и Бенѣ. По ихъ мнѣнію, теорія названій представляетъ введеніе, предварительное изслѣдованіе, а не отдѣлъ науки логики, «приготовленіе къ изученію логики», какъ выражается Милль, а не часть самой логики.⁴⁷⁷⁾

Но номинализмъ въ средніе вѣка возникаетъ, какъ реакція противъ реалистической и концептуалистической теорій. Номиналистическое ученіе должно было служить опроверженіемъ реализма и концептуализма. Теорія названій должна была замѣнить ученіе объ общихъ понятіяхъ и универсаліяхъ. И подобное мнѣніе, быть можетъ, до нѣкоторой степени удерживаютъ и представители номинализма въ новое время. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ область исторіи логики, не будемъ касаться вопроса объ отношеніи между номинализмомъ

⁴⁷⁷⁾ Ibid. «Introduction» p. 6—7; ibid. book I p. 11—14; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 42—47.

въ средніе вѣка, съ одной стороны, и доктриною реализма и концептуализма въ эту эпоху, — съ другой. Будемъ говорить только объ отношеніи между принятой въ индуктивной логикѣ номиналистической теоріей названій и ученіемъ о понятіяхъ у различныхъ представителей формальнаго направленія въ нашей наукѣ. Посмотримъ, дѣйствительно-ли ученіе о названіяхъ опровергаетъ теорію понятій и замѣняетъ послѣднюю.

Мы видѣли, что ученіе о понятіяхъ есть теорія логическая, тогда какъ ученіе о названіяхъ представляетъ лишь психологическій анализъ явленій извѣстнаго порядка. Какимъ образомъ можетъ психологическій анализъ служить опроверженіемъ логической теоріи и замѣнить таковую? Конечно, нельзя, такъ сказать, а priori утверждать, будто психологическій анализъ не можетъ разрушить никакой логической теоріи. Но это, несомнѣнно, случай, весьма рѣдко возможный. Номиналистическое ученіе о названіяхъ представляетъ психологическій анализъ. Надо, чтобы, по крайней мѣрѣ, анализъ распространился, именно, на тѣ формы, которыя рекомендуетъ логика. Тогда, быть можетъ, обнаружится несостоятельность этихъ формъ. Между тѣмъ номиналисты подвергаютъ анализу не логическую форму понятія, а значеніе названій или словъ. Въ самомъ дѣлѣ, формальная логика рекомендуетъ намъ форму понятія, какъ форму, которая въ извѣстной мѣрѣ благоприятствуетъ развитію нормальной мысли. Правда, сложившіяся въ формы понятій идеи большей частію, если не совпадаютъ, то, по крайней мѣрѣ, близко сходны съ тѣми идеями, которыя ассоціировались у насъ съ разными словами, названіями. Все же логическая теорія понятій вопроса о названіяхъ не касается. Послѣдняя лишь рекомендуетъ извѣстныя логическія формы для нашихъ идей и этимъ и ограничивается. Съ другой стороны, представители номинализма рассматриваютъ значеніе названій, словъ. Они анализируютъ тѣ идеи, которыя мы соединяемъ съ различными названіями. А каковы должны быть наши идеи, въ какія формы онѣ должны складываться, — этотъ вопросъ приверженцы доктрины номинализма оставляютъ въ сторонѣ. Дѣйствительно-ли тѣ формы, которыя рекомендуетъ формальная логика, формы понятій, представляютъ извѣстныя

логическія удобства,—объ этомъ номиналистическая теорія не говоритъ ничего. Правда, опять таки тѣ идеи, которыя съ разными названіями у насъ ассоціировались и содержаніе которыхъ подвергаютъ номиналисты анализу, близко подходятъ къ идеямъ, какими послѣднія оказываются, когда вливаются въ логическія формы понятій, и—мало того—выражаемыя названіями нашими идеи заключаютъ въ себѣ иногда и извѣстныя совершенства, съ точки зрѣнія логики, но все-же никакихъ *логическихъ* формъ для идей нашихъ номиналистическая теорія не разсматриваетъ, и о логической формѣ понятія послѣдователи номинализма ничего не говорятъ. Въ теоріи понятій идетъ дѣло о логической формѣ понятія; ученіе о названіяхъ представляетъ анализъ значенія словъ. Двѣ эти теоріи посвящены вопросамъ различнымъ, и психологическій анализъ распространяется у номиналистовъ не на логическую форму понятія, а на что-то иное. А потому ученіе о названіяхъ нельзя признать за опроверженіе теоріи понятій.

Тѣмъ болѣе нельзя говорить, будто номиналистическое ученіе о названіяхъ *замѣняетъ* логическую теорію понятій. Мы имѣемъ предъ собою, съ одной стороны, логическую теорію, съ другой,—психологическій анализъ нѣкотораго ряда явленій и должны опредѣлить отношеніе между такого рода ученіями. Одна логическая теорія можетъ замѣнить другую. Положимъ, извѣстные ученые рекомендуютъ такіа-то и такіа-то формы для нормальной мысли. Потомъ другіе ученые или мыслители доказываютъ несостоятельность прежде признанныхъ формъ и предлагаютъ новыя. Но какимъ образомъ можетъ психологическій анализъ замѣнить такую или иную логическую теорію? Строго говоря, подобная замѣна вообще невозможна. Пусть, мы въ силу тѣхъ или другихъ основаній рѣшились-бы, дѣйствительно, замѣнить извѣстное логическое ученіе просто психологическимъ анализомъ. Спрашивается, куда слѣдовало-бы отнести наши новыя разсужденія? Особаго отдѣла науки логики они составить не могли-бы, ибо это—психологическій анализъ, а не логическая теорія. Можно было-бы перенести наше новое ученіе изъ логики въ психологію или вообще въ какую-либо другую науку. Но это не значило-бы *замѣнить*

данную логическую теорію психологическимъ анализомъ. Это значило-бы выбросить изъ логики извѣстный отдѣлъ совсѣмъ и въ то-же время внести въ психологію или въ другую какую-либо науку отдѣлъ, быть можетъ, совершенно новый. Итакъ, подобная замѣна невозможна вообще. Но предположимъ такой случай. Пусть, до настоящаго времени было принято въ логикѣ извѣстное ученіе. Мы подвергли тщательному психологическому анализу тѣ формы, которыя данная теорія указываетъ, и при этомъ выяснилось, что подобныя формы вовсе не обезпечиваютъ намъ мысли нормальной и что, предположимъ, вообще нельзя для тѣхъ случаевъ, которые теорія имѣетъ въ виду, рекомендовать какія-бы то ни было логическія формы. И вотъ, послѣ такого психологическаго анализа мы хотимъ составить «систему логики». Понятно, что вмѣсто логической теоріи, которую мы критически разсмотрѣли и которая прежде составляла извѣстный отдѣлъ нашей науки, мы помѣстили-бы въ новую «систему логики» главу, посвященную критическому разбору,—психологическому анализу формъ, которыя эта теорія предлагаетъ. Наша критика, основанная на психологическомъ анализѣ, такъ сказать, замѣнила-бы соответствующій отдѣлъ логики. И это единственный случай, когда можно, хотя съ извѣстной натяжкой, говорить о томъ, будто психологическій анализъ замѣняетъ логическую теорію. Но разбираемый случай подъ такую категорію не подходитъ. Какъ мы видѣли, номиналистическое ученіе о названіяхъ не есть опроверженіе логической теоріи понятій. Такимъ образомъ, даже допуская нѣкоторую натяжку, нельзя утверждать, будто номинализмъ замѣняетъ ученіе формальной логики о понятіяхъ.

Итакъ, номинализмъ отнюдь не служитъ опроверженіемъ теоріи понятій и не можетъ замѣнить таковую. Повторяемъ, мы имѣемъ при этомъ въ виду не направленія номинализма, реализма и концептуализма въ средніе вѣка. Средневѣковой реализмъ представляетъ ученіе не только логическое, но и метафизическое. И номиналисты въ этотъ періодъ какъ-бы заняты критическимъ разборомъ этого метафизическаго ученія. Мы говоримъ только о номиналистической теоріи названій и приверженцевъ новой, такъ называемой индуктивной логики

и, съ другой стороны, о принятомъ у представителей формальнаго направленія въ нашей наукѣ ученіи относительно логической формы понятія.

Но, если эти теоріи не замѣняютъ одна другую, если одна изъ нихъ не является опроверженіемъ другой, если—мало того—онѣ посвящены вопросамъ различнымъ, то обѣ эти теоріи могутъ стоять рядомъ одна съ другой. Дѣйствительно, можно, оставаясь вполне послѣдовательнымъ, признавать обѣ теоріи справедливыми. Пусть, мы утверждаемъ, что названія всегда распространяются на какіе-либо объекты, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Есть, продолжаемъ мы, названія единичныя, которыя обозначаютъ каждое одинъ только объектъ. Есть названія общія, которыя обозначаютъ каждое любой изъ объектовъ данной группы, отдѣльно взятый. Нѣкоторыя названія имѣютъ кромѣ того извѣстное соотнесеніе. Со словами соединяются, благодаря психологическому ассоціированію, не только идеи о тѣхъ или другихъ предметахъ, такъ сказать, цѣликомъ взятыхъ, но и идеи объ общихъ свойствахъ, которыя этимъ предметамъ принадлежатъ. Развѣ тотъ или другой ученый не остался-бы послѣдовательнымъ, еслибы онъ, признавъ такую теорію, въ слѣдъ за тѣмъ сказалъ: идеи, которыя ассоціируются съ названіями, не всегда складываются, съ точки зрѣнія логики, правильно. Въ виду такихъ-то и такихъ-то причинъ желательно было-бы, чтобы идеи чловѣка вливались въ такія-то и такія-то формы,—именно, въ формы понятій. Развѣ эти послѣднія разсужденія противорѣчатъ первымъ? Чѣмъ-бы ни были тѣ слова и названія, которыми мы пользуемся, какія-бы идеи съ ними ни ассоціировались и—мало того, если ужъ признать номинализмъ также и за психологическое объясненіе процесса происхожденія нашихъ общихъ идей,—какимъ-бы путемъ наши идеи ни образовывались, всегда возможно утверждать, что все-же такая-то форма для идей нашихъ, съ точки зрѣнія логики, стоитъ выше такой-то, что идеи, такъ, а не иначе сложившіяся, въ отношеніи логическомъ совершенны, всегда можно говорить о логическихъ формахъ для нашихъ идей, всегда можно рекомендовать извѣстныя формы,—словомъ, всегда можно принять такъ

называемую теорію понятій ⁴⁷⁸). Впрочемъ мы не хотимъ этимъ сказать, что, съ одной стороны, теорію понятій, какъ ее разрабатываютъ приверженцы формальной логики, и, съ другой,—номиналистическую теорію названій, которую обыкновенно принимаютъ представители логики индуктивной, обѣ непременно слѣдуетъ признать справедливыми. Вопросъ о безотносительныхъ достоинствахъ этихъ двухъ теорій мы оставляемъ въ сторонѣ. Мы только разсматриваемъ номиналистическое ученіе о названіяхъ, съ точки зрѣнія формальной логики, опредѣляемъ, исходя изъ такой точки зрѣнія, отношеніе между двумя интересующими насъ теоріями и утверждаемъ, что обѣ эти теоріи возможно сохранить, поставивъ ихъ одну рядомъ съ другою. Этимъ мы и ограничиваемся. А насколько эти теоріи состоятельны и состоятельны-ли онѣ обѣ или нѣтъ,—подобнаго вопроса мы не касаемся.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Принятая въ формальной логикѣ теорія понятій—теорія логическая, а ученіе номиналистовъ о названіяхъ представляетъ психологическій анализъ извѣстной группы явленій,—правда, анализъ явленій, важныхъ для логики, но все-же не теорію логическую. Двѣ эти теоріи отнюдь не замѣняютъ одна другую; онѣ не опровергають и даже не противорѣчатъ одна другой, такъ что могутъ стоять рядомъ. Таково отношеніе между интересующими насъ теоріями.

Впрочемъ сдѣлаемъ здѣсь еще небольшое замѣчаніе. Въ ту теорію названій, о которой мы говоримъ, Джонъ Стюартъ Милль вноситъ одно добавленіе. Разсмотрѣвъ различные виды названій, ихъ значеніе и соозначеніе, онъ хочетъ составить раздѣленіе объектовъ, которые мы нашими названіями обозначаемъ, и построенію такой классификаціи посвящаетъ особую главу ⁴⁷⁹). Нѣчто подобное находимъ и у Бена. Правда, у

⁴⁷⁸) На самомъ дѣлѣ, различные представители формальной логики часто заговариваютъ между прочимъ о названіяхъ, словахъ, причемъ, правда, разсужденія эти обыкновенно носятъ у нихъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у приверженцевъ такъ называемаго номинализма.

⁴⁷⁹) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I ch. III p. 29—49.

последняго такое раздѣленіе не помѣщено въ тѣхъ главахъ его сочиненія, гдѣ обсуждается вопросъ о названіяхъ, и классификацію эту онъ къ ученію о названіяхъ, повидимому, не приурочиваетъ. Въ добавленіи (appendix) къ первой части «Логики» онъ предлагаетъ выработанное имъ особое перечисленіе вещей (enumeration of things) ⁴⁸⁰), и тотъ отдѣлъ appendix'a, который посвящаетъ этому перечисленію, начинается такъ: «Классификація названій естественно приводитъ насъ къ классификаціи вещей» ⁴⁸¹). Такимъ образомъ Бенъ, повторяемъ, какъ-бы отдѣляетъ свои разсужденія о разрядахъ вещей существующихъ отъ теоріи названій. Пусть, предлагаемую Джономъ Стюартомъ Миллемъ и Беномъ классификацію, дѣйствительно, слѣдуетъ разсматривать, какъ какое-то добавленіе къ теоріи названій. Въ такомъ случаѣ представляется вопросъ, должно-ли это добавленіе измѣнить нашъ взглядъ на номиналистическое ученіе о названіяхъ и отношеніе этого ученія къ теоріи понятій. Мы говоримъ, что номинализмъ представляетъ психологическій анализъ извѣстныхъ явленій, — психологическій анализъ, а не логическую теорію. Въ классификаціи предметовъ, которые мы обозначаемъ нашими названіями, или вообще въ «перечисленіи вещей», очевидно, нельзя искать разсужденій о различнаго рода логическихъ формахъ мысли, разсужденій о логической формѣ понятія. И притомъ, если мы классифицируемъ обозначаемыя названіями вещи, то, конечно, должны для этого прежде всего анализировать значеніе названій, иначе говоря, тѣ идеи, которыя у человѣка съ названіями ассоціировались, должны прежде всего приняты за психологическій анализъ. Такимъ образомъ, включая классификацію вещей въ ученіе о названіяхъ, мы тѣмъ не менѣе можемъ сказать, что ученіе это представляетъ не логическую теорію, а психологическій анализъ. Какъ сказано, анализу номиналисты подвергаютъ явленія, дѣйствительно, важныя для логики. Если мы прибавимъ къ ученію о названіяхъ «общее раздѣленіе вещей», мы должны объ этомъ ученіи сказать,

⁴⁸⁰ Al. Bain «Logic». P. I—II, 2 ed. Lond. 1873 part I p. 254—266.

⁴⁸¹ Ibid. part I p. 254.

быть может, больше. Джонъ Стюартъ Милль признаетъ логику за теорію доказательства ⁴⁸²⁾. И вотъ, онъ утверждаетъ, будто наша наука должна опредѣлить, что вообще возможно доказывать, на какія вещи или—точнѣе—на отношенія между какого рода вещами могутъ вообще распространяться наши доказательства. Отвѣтъ на такой вопросъ и даетъ намъ классификація предметовъ, которые обозначаются названіями ⁴⁸³⁾. Опредѣленіе, хотя, быть можетъ, и въ томъ-же духѣ ⁴⁸⁴⁾, высказывается относительно того, какое значеніе имѣетъ для логики раздѣленіе вещей, Бенъ. «Вся совокупность существующихъ вещей (existing things), говоритъ онъ, можетъ быть раздѣлена различнымъ образомъ, смотря по различнымъ принципамъ классифицированія и дѣленія... Цѣль представителя логики прійти къ такой классификаціи, которая соотвѣтствовала-бы (that will correspond) различнымъ методамъ изслѣдованія, и такимъ образомъ распредѣлить область знанія, согласно лучшему дѣленію различныхъ видовъ интеллектуальной работы» ⁴⁸⁵⁾. Итакъ, «классификація вещей существующихъ» должна, по Бену, какъ-бы опредѣлить различные методы изслѣдованія, различные виды интеллектуальной работы. Дѣленіе это какъ-бы является путеводною нитью при обсужденіи методовъ, слѣдовательно, извѣстныхъ вопросовъ логики. Классификація вещей создаетъ намъ нѣкоторыя удобства при разсмотрѣніи вопросовъ нашей науки. Мы выше видѣли, что ученіе о названіяхъ представляетъ психологическій анализъ явленій, важныхъ для логики. Теперь, прибавивъ къ ученію о названіяхъ «классификацію вещей существующихъ», мы можемъ, повидимому, признать, что, благодаря такому психологическому анализу, логика пріобрѣтаетъ себѣ извѣстныя удобства. Но ученіе о названіяхъ все-же не обращается такимъ образомъ

⁴⁸²⁾ J. St. Mill «A system of logic ratiōative and inductive». People's ed. Lond. 1889. «Introduction» p. 1—8. Cp. *ibid.* book I p. 29.

⁴⁸³⁾ *Ibid.* book I p. 29.

⁴⁸⁴⁾ Мы говоримъ: «быть можетъ въ томъ-же духѣ», потому что у Джона Стюарта Милля значеніе его «классификаціи вещей», собственно, остается невыясненнымъ.

⁴⁸⁵⁾ Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873. P. I p. 255.

въ логическую теорію: особенностей нормальной мысли, логическихъ формъ мысли номиналисты все-же не опредѣляютъ. Мы видѣли, что номиналистическое ученіе о названіяхъ не опровергаетъ теоріи понятій, что обѣ эти теоріи трактуютъ о вопросахъ различныхъ. Это наше утвержденіе остается въ силѣ и теперь. Теорія понятій разсматриваетъ логическія формы. Между тѣмъ номиналистическое ученіе, если сюда включить и «классификацію вещей существующихъ», посвящено чему-то совершенно иному. А такъ какъ номиналистическая теорія не опровергаетъ ученія о понятіяхъ, то она и не можетъ его замѣнить. Выходитъ такимъ образомъ, что, если мы и прибавимъ къ теоріи названій раздѣленіе объектовъ, обозначаемыхъ словами или «классификацію вещей существующихъ», характеръ этой теоріи и ея отношеніе къ ученію о понятіяхъ, несмотря на подобную прибавку, въ общихъ чертахъ останется такимъ-же, какъ и прежде: къ тому, что мы раньше сказали, мы только должны были-бы, повидимому, присовокупить, что номиналистическое ученіе создаетъ нѣкоторыя удобства при обсужденіи вопросовъ нашей науки. Впрочемъ Джонъ Стюартъ Милль и Бенъ и сами сопоставляютъ свою классификацію не съ общей теоріей понятій, а съ ученіемъ о категоріяхъ. Они оба сравниваютъ свое раздѣленіе съ таблицей категорій, которую предлагаетъ Аристотель⁴⁸⁶). Но сдѣлаемъ оговорку. Различая, съ одной стороны, ученіе о категоріяхъ и, съ другой,—теорію понятій, мы не хотимъ сказать, будто оба эти ученія стоятъ обыкновенно въ формальной логикѣ внѣ связи одно съ другимъ. Быть можетъ, они вполне обусловливаютъ одно другое,—мы этого вопроса здѣсь не касаемся. Но какова-бы ни была связь между таблицей категорій и ученіемъ о понятіяхъ вообще, все-же говорить о категоріяхъ и разсуждать о логической формѣ понятія—не одно и то-же. Номиналистическую теорію названій, если «классификаціи вещей существующихъ» сюда не прибавлять, слѣдуетъ сопоставить съ

⁴⁸⁶) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 29 — 30; Al. Bain «Logic», P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 255; ibid. part I p. 263—266.

теорією понятій, а «класифікація вещей» соотвѣтствуетъ, быть можетъ, уже таблицѣ категорій, которую мы довольно часто находимъ въ руководствахъ по логикѣ съ формальнымъ направленіемъ. Между тѣмъ намъ тутъ нужно было разсмотрѣть только номиналистическое ученіе о названіяхъ, параллельно съ теорією понятій. А потому мы, собственно, можемъ «класификацію вещей существующихъ», какъ нѣчто не входящее непосредственно въ это ученіе и какъ нѣчто такое, что соотвѣтствуетъ не теоріи понятій вообще, а спеціально ученію о категоріяхъ, игнорировать. Теорія названій является какъ-бы реакціей противъ принятаго у представителей формальной логики ученія о понятіяхъ. Въ «класификаціи вещей существующихъ» можно скорѣе видѣть нѣкоторую уступку въ пользу формальной логики, какъ таковую до сихъ поръ обыкновенно разрабатываютъ многочисленные ея представители.

Мы разсмотрѣли отношеніе между номиналистическимъ ученіемъ о названіяхъ и теорією понятій. Перейдемъ къ ученію о предложеніяхъ, которое мы находимъ у приверженцевъ индуктивной логики, и теоріи сужденій, принятой у послѣдователей формальнаго направленія въ нашей наукѣ. По вопросу объ отношеніи между этими двумя теоріями намъ придется въ общихъ чертахъ повторить то, что мы сказали объ отношеніи между номинализмомъ и ученіемъ о понятіяхъ.

Суть теоріи сужденій,—если опять таки извлечъ изъ соотвѣствующихъ сочиненій то, что тутъ почерпнуть возможно,—заключается въ слѣдующемъ. Сужденіе, говорятъ намъ приверженцы формальной логики, представляетъ, особый актъ мысли — актъ мысли, предполагающій возможность ошибокъ. При такомъ актѣ мы опредѣляемъ, какъ утверждаютъ одни, отношеніе между представленіями, какъ говорятъ другіе, — отношеніе между нашими понятіями. Нѣкоторые ученые и мыслители полагаютъ, будто мы, составляя сужденіе, подводимъ предметъ или представленіе подъ понятіе и т. д. Во всякомъ случаѣ, сужденіе — актъ мысли, при которомъ возможны ошибки. И вотъ, раздѣляя сужденія на группы ⁴⁸⁷), представители логики часто стараются выработать особые правила для каждой изъ этихъ группъ,—предписанія, руководствуясь которыми

можно было-бы составлять сужденія правильныя или, по крайней мѣрѣ, опредѣлить, правильно-ли данное сужденіе или нѣтъ. Предписанія эти двоякаго рода: или они относятся къ сужденіямъ, если взять каждое отдѣльно, или здѣсь говорится о томъ, какъ, зная логическія достоинства одного сужденія, опредѣлить достоинства другаго на основаніи отношенія между этими сужденіями. Говорятъ, на примѣръ: если мы хотимъ получить утвердительное сужденіе правильное, мы должны смотрѣть, чтобы понятіе, составляющее такъ называемый субъектъ нашего сужденія, дѣйствительно, заключало въ себѣ то понятіе, которое играетъ въ этомъ сужденіи роль предиката. Вотъ правило, которое распространяется на каждое изъ сужденій данной группы (группы сужденій утвердительныхъ), отдѣльно взятое. Съ другой стороны, утверждаютъ, на примѣръ, что, если изъ двухъ контрадикторныхъ сужденій (положимъ: «логика—наука», и «логика не—наука») одно истинно, то другое ложно и наоборотъ. Здѣсь дѣло идетъ, очевидно, не объ опредѣленіи логическихъ достоинствъ того или другаго сужденія, отдѣльно взятаго, а о томъ, какъ опредѣлить достоинства даннаго сужденія на основаніи извѣстныхъ намъ достоинствъ другаго сужденія и извѣстнаго намъ отношенія между этими двумя сужденіями. При этомъ правильными представителями логики «формальной, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова», называютъ, конечно, сужденія, согласныя съ истиной, а приверженцы направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», имѣютъ въ этомъ случаѣ въ виду лишь «формальную правду», только то обстоятельство, выполняемъ-ли мы, такъ сказать, законы, которыми обусловливается послѣдовательность въ мысли ⁴⁸⁷).

⁴⁸⁷) Раздѣленіе сужденій для выясненія интересующаго насъ вопроса значенія не имѣетъ (ср. ниже), а потому мы, если можно такъ выразиться, на различныхъ судьбахъ его останавливаться не будемъ.

⁴⁸⁸) Во времена Аристотеля общепринятой философской терминологіи еще не было: Аристотель самъ трудится надъ выработкой терминологіи. Обстоятельство это иногда обусловливаетъ у Великаго Стагирита нѣсколько неясное изложеніе мыслей (ср. выше), и мы часто не имѣемъ возможности сказать съ увѣренностью, говорятъ ли онъ въ данномъ мѣстѣ своего «Органона» о сужденіяхъ или только о пред-

Теорию суждений, говоримъ мы, представители индуктивной логики обыкновенно замѣняютъ ученіемъ о предложеніяхъ.

Его излюбленный терминъ «ἀποφανσις», который обыкновенно разсматриваютъ, какъ нѣчто равное нашему слову «сужденіе» (ср. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung», II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 156; Herm. Ulrici «System der Logik», Leipz. 1858 p. 490—491; Fr. Ueberweg „System der Logik und Geschichte der logischen Lehren“, 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 192), возможно толковать и въ иномъ смыслѣ. Быть можетъ, этимъ терминомъ Аристотель хочетъ обозначить просто предложеніе, а не актъ мысли, который мы называемъ сужденіемъ. Но, если это слово и означаетъ, положимъ, не сужденіе непосредственно, а предложеніе, то Аристотель, во всякомъ случаѣ, разсуждалъ о предложеніяхъ, вообще имѣвъ въ виду также и тотъ актъ мысли, выраженіемъ котораго утвердительное или отрицательное предложеніе является. И онъ при этомъ всегда принимаетъ въ соображеніе, что подобный актъ предполагаетъ возможность ошибокъ. «ἀποφανσις» или «λόγος ἀποφαντικός» можетъ быть и истиннымъ, и ложнымъ, смотря по тому, соединяемъ-ли мы здѣсь, что въ дѣйствительности соединено, и разъединяемъ-ли то, что въ дѣйствительности разъединено, или соединяемъ, что въ дѣйствительности не соединено, и разъединяемъ, что въ дѣйствительности не разъединено, говоритъ Аристотель (Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. De interpr. c. IV—V vol. II p. 19—22; «Opera omnia», ed. Didot. Vol. II. Par. 1850. Metaphys. lb. V c. IV p. 537. Ср. De interpr. c. VI въ первомъ изъ названныхъ изд. vol. II p. 22—23; Metaphys. lb. IX c. X во второмъ изъ этихъ изд. p. 572 — 573). Особыхъ предписаній, которыя слѣдовало-бы выполнять при составленіи сужденій, онъ не даетъ. И замѣтимъ здѣсь между прочимъ, что и въ послѣдствіи представители формальной логики обыкновенно говорятъ объ этомъ вопросѣ какъ-то глухо. Впрочемъ Аристотель трактуетъ о сужденіяхъ противорѣчныхъ и о томъ, что истинность одного обусловливаетъ ложность другаго и наоборотъ. Такимъ образомъ онъ уже касается вопроса о томъ, какъ, зная достоинства одного сужденія и отношеніе его къ другому, опредѣлить логическія достоинства другаго (Aristotelis «Opera omnia», rec. I. Th. Buhle. Vol. I—III. Biponti 1716—1717. De interpr. c. VI—VII vol. II p. 22—27; An. post. lb. I c. II, 12 ibid. vol. II p. 438—439. Относительно Аристотелевскаго ученія о сужденіяхъ вообще ср. Ed. Zeller «Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung», II Th. II Abth. 2-te Aufl. Tüb. 1862 p. 156—162; Ad. Trendelenburg «Elementa logices Aristoteleae». Ed. octava. Brl. 1868 p. 24 — 28; ibid. p. 52—80).—Переходимъ къ представителямъ формальной логики въ новое время.—У Гассанди термины «propositio», «enuntiatio» и «judicium» чередуются. Въ сужденіи, утверждаетъ послѣдній (Petri Gassendi «Opera omnia». T. I. Pars I. Lugduni p. 99), мы идеи наши соединяемъ или разъединяемъ. Подобно Аристотелю, Гассанди разсматриваетъ сужденіе, какъ актъ мысли, при которомъ возможно допустить ошибку. Истинность сужденія обусловливается, по его мнѣнію, тѣмъ, согласны-ли (congruere) между собой субъектъ и предикатъ. И вотъ, у него дальше идетъ перечисленіе случаевъ, когда субъектъ и предикатъ согласуются между собой и когда это не-

Во всемъ этомъ ученіи, какъ Джонъ Стюартъ Милль прямо и заявляетъ ⁴⁸⁹), разсматривается не актъ мысли, благо-

возможно: родовое понятіе, говоритъ Гассанди, можетъ быть предикатомъ видового, видовое не можетъ быть предикатомъ родового и т. д. Онъ указываетъ намъ, могли-бы мы сказать, въ какихъ случаяхъ отдѣльно взятое сужденіе истинно и въ какихъ нѣтъ. Затѣмъ мы у него находимъ также правило: «*Duarum propositionum contingentium oppositarum una vera est alia falsa, idque seu tempus praesens sit, seu praeteritum, seu futurum*» (ibid. p. 99—106).—Гюттесонъ разумѣетъ подъ сужденіемъ (*judicium*) сравненіе, благодаря которому мы вырабатываемъ себѣ мнѣніе о нашихъ идеяхъ,—относятся-ли онѣ къ одному объекту или къ разнымъ, но объекты эти стоятъ одинъ къ другому въ опредѣленномъ отношеніи. Сужденіе предполагаетъ возможность ошибокъ. Когда мы составляемъ сужденіе, мы должны соблюдать извѣстные правила. Гюттесонъ старается эти правила выработать. Разсужденія второго порядка, — какъ судить по одному изъ данныхъ сужденій о другомъ, — мы у него также встрѣчаемъ (Франциска Гюттесона «Сокращеніе логики», пер. на Росс. яз. А. Эттеромъ. Спб. 1819 стр. 16; ibid. p. 60—94).—По Chr. Wolff'у, сужденіе представляетъ актъ мысли, при которомъ мы приписываемъ или отрицаемъ что-либо въ вещи, соединяя или разъединяя соотвѣтствующія понятія. При этомъ Chr. Wolff разсуждаетъ о томъ, въ какихъ случаяхъ можно правильно перенести предикатъ съ одного логическаго субъекта на другой. Что возможно высказать о родѣ, то можно утверждать и о видѣ, говоритъ онъ, и т. д. („*Philosophiae Wolfianae contractae*“ tom. I ed. I. Fr. Stiebritz. Halae Magdeb. 1744. «*Philosophiae rationalis sive logicae*» pars I § 39—41 p. 44—45; ibid. § 195 — 326 p. 92—130; Chr. Wolfii «*Cogitationes de viribus intellectus humani earumque usu in veritatis cognitione*». Ed. nova. Franc. et Lips. 1740 § 74 — 88 p. 54 — 64).—У Chr. Aug. Crusius'a слово «*Urtheil*» попадаетъ, сравнительно, рѣдко. Чаше встрѣчаемъ мы у него термины „*Satz*“ и „*Proposition*“. Въ каждомъ сужденіи имѣется въ виду, думаетъ онъ, отношеніе между понятіями или идеями («*Weg zur Gewissheit und Zuverlässigkeit der menschlichen Erkenntniss*». 2-te Aufl. Leipz. 1762 p. 414 и дальше).—Въ сужденіи мы, объявляетъ С. Fr. Bachmann, опредѣляемъ отношеніе между понятіями. Относительно раздѣлительныхъ сужденій онъ утверждаетъ, что таковыя представляютъ, очевидно, приложеніе логическаго принципа исключеннаго третьяго. Но, если намъ говорить, что сужденія основываются на такомъ-то и такомъ-то логическомъ законѣ, это, на самомъ дѣлѣ, означаетъ только, что сужденія неправильны, когда они несогласны съ такимъ-то и такимъ-то логическимъ закономъ или принципомъ. А потому мысль С. Fr. Bachmann'a можно иными словами выразить такъ: сужденіе, принадлежащее къ указанной группѣ (къ разряду сужденій раздѣлительныхъ), должно опираться на логическій законъ исключеннаго третьяго; иначе оно не можетъ оказаться правильнымъ. Нашъ авторъ кромѣ того, подобно предшественникамъ своимъ, трактуетъ объ отношеніи между сужденіями, а также между прочимъ указываетъ на то обстоятельство, что изъ двухъ противорѣчныхъ сужденій одно должно быть истиннымъ, другое—ложнымъ («*System der Logik*». Leipz. 1828 p. 116—149).—Fr. Fischer полагаетъ, что сужденіе есть актъ мысли, при которомъ мы опредѣляемъ отношеніе между пред-

даря которому мы что-либо утверждаемъ или отрицаемъ, а только содержаніе нашихъ утвержденій, содержаніе предложе-

ставленіями нашими. Но «das eigentliche Urtheil»,—въ отличіе отъ «Satz», представляетъ а) „Subsumtion eines Gegenstandes unter einen Begriff“ или б) „Causalfolgerung, Aufsuchung von Ursachen zu einer vorliegenden Wirkung oder Ableitung von Wirkungen aus einer vorliegenden Ursache“ (Lehrbuch der Logik für academische Vorlesungen und Gymnasialvorträge. Stuttgart, 1838 p. 60; *ibid.* p. 70). „Das eigentliche Urtheil“ онъ называетъ „предикативнымъ“. Оно опирается на законы «der Identität und Verschiedenheit, der Einstimmigkeit und des Widerspruchs». «Die Causalfolgerung» или «das causale Urtheil» основывается на принципѣ достаточнаго основанія (*ibid.* p. 71—72. Ср. *ibid.* p. 59—100).—Какъ утверждаетъ Fr. Ed. Beneke, мы въ сужденіи связываемъ представленіе съ понятіемъ (System der Logik, als Kunstlehre des Denkens. Th. I—II. Brl. 1842. Th. I p. 35—38). Новаго матерьяла намъ сужденіе не доставляетъ. Наши познанія только приобретаютъ, благодаря этому акту, большую опредѣленность и большую жизненность (Bestimmtheit, Ausführlichkeit, Genauigkeit). Матерьялъ, которымъ мы раньше уже обладали, мы въ сужденіи лишь болѣе объединяемъ. Съ другой стороны, тутъ иногда выясняется, что прежде нами выработанныя понятія неправильны. Fr. Ed. Beneke прибавляетъ при этомъ рядъ разсужденій (*ibid.* Th. I p. 120 и дальше) относительно того, какія психологическія условія благоприятствуютъ высшимъ, съ точки зрѣнія логики, формамъ сужденій и при какихъ психологическихъ условіяхъ сужденія, напротивъ, неизбежно складываются въ формы низшаго порядка. Такимъ образомъ онъ признаетъ различіе между низшими и высшими формами сужденій и однѣ формы считаетъ въ логическомъ отношеніи желательными, другія — нѣтъ. (ср. *ibid.* Th. I p. 35 — 38; *ibid.* Th. I p. 100—173). — J. H. Fichte разсматриваетъ сужденіе, какъ актъ мысли, при которомъ мы къ данному единичному предмету прилагаемъ какое-либо понятіе. Объ ошибкахъ при составленіи сужденій послѣдній не говоритъ ничего. Онъ только старается показать, что сужденіе вообще представляетъ высшую, сравнительно съ понятіемъ, ступень въ той лѣстницѣ, которую образуютъ различные наши познавательные акты. А изъ разнаго рода формъ сужденія высшей оказывается у него сужденіе аподиктическое (единичное сужденіе, напротивъ, ниже общаго и т. д.). Но при этомъ Fr. Ed. Beneke, какъ сказано, различаетъ высшія и низшія формы сужденій по ихъ логическимъ достоинствамъ, а у J. H. Fichte точка зрѣнія нѣсколько иная. Послѣдній исходитъ изъ идеи о цѣляхъ нашей познавательной дѣятельности вообще. Высшая цѣль для насъ познать общее, постоянное, вѣчное. Смотря по тому, насколько человекъ при такомъ или иномъ познавательномъ актѣ къ этой цѣли приближается и данный актъ представляется J. H. Fichte низшимъ или высшимъ. Такимъ образомъ онъ въ своемъ раздѣленіи принимаетъ за основаніе не логическія достоинства формъ, а содержаніе нашего познанія. Чѣмъ содержаніе познанія, такъ сказать, выше, тѣмъ высшую форму представляетъ и самый актъ,—но высшую, на самомъ дѣлѣ, лишь въ психологическомъ отношеніи. А потому можно сказать, что J. H. Fichte не касается вопроса о логической формѣ сужденія, хотя и разсматриваетъ, быть можетъ, формы психологическія (только психологическія, а не психологическія и

ній. Анализировать актъ мысли, называемый сужденіемъ, — дѣло не логики, а науки другой ⁴⁹⁰), читаемъ мы у Милля. Разсмотрѣ-

логическія) для подобныхъ процессовъ мысли. («Grundzüge zum Systeme der Philosophie. Erste Abth. Das Erkennen als Selbsterkennen,“ Heid. 1833 p. 108—138). —Herm. Lotze, въ противоположность J. H. Fichte, стоитъ на почвѣ *логической* теоріи сужденій. Последний объявляетъ, что мы въ сужденіи устанавливаемъ отношеніе между содержаніемъ двухъ представленій. Въ началѣ своихъ разсужденій о такомъ процессѣ («System der Philosophie. I Th. Logik,“ 2-te Aufl. Leipz. 1880 p. 64—68) онъ высказываетъ мысль, будто «логическая форма» эта не обуславливаетъ объективной истинности (die sachliche Richtigkeit) сужденія. Но это не должно наводить на сомнѣнія. Аподиктическое сужденіе, напримѣръ, можетъ, утверждаетъ онъ, оставаться аподиктическимъ и въ то-же время быть ложнымъ. То-же можно сказать и о сужденіяхъ ассерторическихъ... Все это не противорѣчитъ теоріи сужденій, которую обыкновенно принимаютъ приверженцы формальной логики. Мы уже говорили, что ученые и мыслители, примкнувшіе къ формальному направленію, большей частью разсматриваютъ сужденіе, какъ актъ мысли, который еще нельзя назвать совершеннымъ, какъ актъ, предполагающій возможность ошибокъ, а не какъ логическую форму, безусловно обезпечивающую намъ нормальную мысль. Въ виду этого формальная логика и трактуетъ обыкновенно о томъ, при какихъ условіяхъ подобный актъ бываетъ, съ логической точки зрѣнія, правильнымъ, при какихъ особенностяхъ сужденіе, дѣйствительно, оказывается формой логической. Такой-же взглядъ встрѣчаемъ и у Herm. Lotze. Онъ объявляетъ сужденіе за форму, при которой ошибки мысли возможны. Добавляетъ онъ тутъ развѣ лишь, — что сужденіе *и съ тѣми его особенностями*, которыя обыкновенно имѣютъ въ виду, раздѣляя подобныя формы мысли по группамъ, можетъ оказаться и несогласнымъ съ «матеріальной правдой», что не только сужденіе вообще, само по себѣ, но и форма ассерторическаго и аподиктическаго сужденія еще не гарантируетъ намъ нормальной мысли. Сколько-нибудь серьезное основаніе для тѣхъ сомнѣній, которыя у насъ могутъ возникнуть, когда мы читаемъ сочиненіе Herm. Lotze, заключается лишь въ томъ, что намъ авторъ говоритъ о „логической“ формѣ сужденія, тогда какъ форма сужденія вообще не есть форма логическая, — форма, которую намъ рекомендовала-бы логика, какъ извѣстнаго рода гарантію мысли правильной, а только форма психологическая: сужденіе становится формой не только психологической, но и логической лишь тогда, когда выполняются правила, которыя даетъ или должна дать логика. Сужденіе и тѣ виды его, которые обыкновенно намѣчаетъ формальная логика, не обезпечиваютъ нормальной мысли. Сужденія, должны, добавляетъ Herm. Lotze, быть согласны съ основными законами логики; категорическія — съ принципами тождества и противорѣчія; гипотетическія — съ принципомъ достаточнаго основанія; раздѣлительныя — съ закономъ исключеннаго третьяго (См. *ibid.* p. 69—100. Ср. *ibid.* p. 57—69). — «Urtheilen, утверждаетъ Herm. Ulrici, heisst ein Besonderes unter sein Allgemeines, ein Exemplar unter seine Gattung, ein Einzelnes unter seinen Begriff subsumiren“ („System der Logik“, Leipz. 1858 p. 482). И кромѣ доказательствъ въ пользу такого взгляда на сужденіе и раздѣленія сужденій мы у него ничего не находимъ (см. *ibid.* p. 482—527). — По L. Strümpell'ю, въ сужденіи

рѣть содержаніе предложеній, сказать, о чемъ можетъ идти рѣчь въ предложеніяхъ, для логики важно. Мы тогда будемъ знать,

мы соединяемъ наши представленія. Послѣдній старается опредѣлить, отчего зависитъ «*der logische Werth oder der Erkenntnisswerth der Urtheile*». Аналитическое сужденіе должно представлять „соединеніе тождества“, а потому, если субъектомъ является, положимъ, понятіе видовое, то предикатъ долженъ быть понятіемъ родовымъ и т. д. Синтетическія сужденія, говоритъ L. Strümpell въ слѣдъ за Кантомъ, опираются на понятія пространства и времени и т. д. («*Grundriss der Logik oder der Lehre vom wissenschaftlichen Denken*». Leipz. 1881 p. 106—157).—Fr. Dittes думаетъ, что въ сужденіи мы опредѣляемъ отношеніе между представленіями. Общими правилами, которыя нужно соблюдать при составленіи сужденій (*allgemeingiltige Regeln*), являются принципы тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія («*Lehrbuch der Psychologie und Logik*». 8-te Aufl. Leipz. u. Wien 1882 p. 202—214). — «*Der Ausdruck des Verhältnisses zweier Begriffe hinsichtlich ihrer Verknüpfungsfähigkeit*, говоритъ R. Zimmermann, *ist das Urtheil*» («*Philosophische Propädeutik*». 3-te Aufl. Wien 1867 p. 42) И мы у него дальше находимъ рядъ предписаній относительно того, когда можно соединить понятія въ сужденія и когда нѣтъ (напр., безусловно возможно соединить два понятія—субъектъ *A* и предикатъ *B*, когда *B* уже заключается въ *A*. См. *ibid.* p. 41—62). — J. Bergmann полагаетъ, что мышленіе, какъ-бы просто и какъ-бы сложно оно ни было, всегда сводится къ сужденію (*ist Urtheilen*). А потому все свое сочиненіе: «*Reine Logik*», онъ и посвящаетъ вопросу о сужденіяхъ. Послѣдній утверждаетъ, что «*das Urtheil sei die zuerst erörterte Auffassung eines Gegenstandes... verbunden mit einem kritischen Verhalten gegen dieselbe, einer Reflexion auf ihre Geltung, einem Entscheiden über ihre Richtigkeit, einem Bestätigen oder Verwerfen*» («*Allgemeine Logik. I Th. Reine Logik*». Berl. 1879 p. 37). Такимъ образомъ въ сужденіи мы опредѣляемъ достоинства нашего представленія о предметѣ,—вѣрно-ли таковое или нѣтъ. Составить правильное сужденіе значить правильно опредѣлить эти достоинства. Между тѣмъ представленіе наше правильно, если мы, составляя его, не нарушили законовъ тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія. И вотъ, для того, чтобы обсудить, правильно-ли данное сужденіе или нѣтъ, надо разсмотрѣть вошедшее въ составъ его представленіе, съ точки зрѣнія этихъ логическихъ принциповъ. Такимъ путемъ мы узнаемъ дѣйствительныя достоинства нашего представленія. А тогда останется только рѣшить, такъ-ли эти достоинства опредѣлены въ данномъ сужденіи или нѣтъ (*ibid.* p. 230—294).—У Fr. Harms'a читаемъ: «*Im Urtheile wird die Wahrnehmung unter den Begriff gestellt*». Разсмотрѣвъ затѣмъ, какія формы можетъ принимать сужденіе, послѣдній продолжаетъ: «*Die vier Formen des gewissen Urtheils (sc. das positive, negative, allgemeine und particulare Urtheil) stehen jedoch nicht so gleichgültig gegen einander, als wenn sie logisch indifferent und gleiche Werthe wären. Als blosse Formen mögen sie alle dasselbe Interesse haben, als Formen des Erkennens aber nicht. Für das Erkennen ist das negative Urtheil nur ein Mittel, um zu positiven zu gelangen, und ebenso das particulare nur ein Mittel, um zu universellen zu gelangen*» («*Logik*». Leipz. 1886 p. 210 — 211). Такимъ образомъ Fr. Harms полагаетъ, что одни

какіе вообще вопросы возможно выставить, якіе вопросы рѣшаетъ наука вообще ⁴⁹¹). Индуктивную логику тогда можно

сужденія стоятъ выше другихъ. Но онъ, подобно J. H. Fichte, имѣетъ при этомъ въ виду не логическія достоинства формъ сужденія, не то обстоятельство, что однѣ формы лучше обезпечиваютъ мысль нормальную, чѣмъ другія, а самое содержаніе нашего познанія при различныхъ актахъ мысли, актахъ сужденія (см. *ibid.* p. 207—214).

П. Лодій говоритъ, что мы въ сужденіи или «разсужденіи», какъ онъ выражается, опредѣляемъ сходство представленій. «Правило, наблюдаемое при разсужденіяхъ есть слѣдующее: Мы не должны дѣлать разсужденія прежде, пока точнѣе не разсмотримъ сходства или несходства представленій» («Логическія наставленія, руководствующія къ познанію и различенію истиннаго отъ ложнаго». Спб. 1815 стр. 190). Кромѣ того онъ даетъ рядъ предписаній, вытекающихъ изъ отношенія «предложеній» одного къ другому,—правила, руководствуясь которыми можно на основаніи достоинства одного «предложенія» опредѣлить достоинства другого (напримѣръ: «Предложенія противорѣчивыя никогда не могутъ быть вмѣстѣ истинными ниже вмѣстѣ ложными». Тамъ-же стр. 229. Все ученіе о сужденіяхъ—тамъ-же стр. 186—236).—Подобныя-же правила находимъ у С. Борзецовскаго. Въ сужденіи мы устанавливаемъ, по его мнѣнію, сходство между идеями. Утвердительно сужденіе С. Борзецовскій считаетъ формой высшей, сравнительно съ сужденіемъ отрицательнымъ и притомъ высшей, съ точки зрѣнія логики: утвердительно сужденію, говоритъ онъ, принадлежитъ «большая ясность, твердость и основательность» («Краткое руководство къ логикѣ». Спб. 1821 стр. 30—31. Все ученіе о сужденіяхъ см. тамъ-же стр. 20—38).—Ор. Новицкій въ слѣдъ за Fr. Fischer'омъ утверждаетъ, что сужденія вообще «состоятъ въ развитіи и показаніи внутренняго отношенія двухъ представленій» («Руководство къ логикѣ». Кіевъ 1841 стр. 76). «Къ сужденію... въ обширномъ значеніи, относятся... сужденіе, въ тѣсномъ смыслѣ, и причинное наведеніе» (тамъ-же стр. 77). Сужденіе «сказательное»,—сужденіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, состоитъ въ подведеніи предмета подъ понятіе (тамъ-же та-же стр.); основывается оно на законахъ «тождества и различія, согласія и противорѣчія» (тамъ-же стр. 92) «Причинное наведеніе состоитъ или въ приведеніи причинъ на представляющееся дѣйствіе, или въ выводѣ дѣйствій изъ подлежащей причины» (тамъ-же стр. 77); опирается такое сужденіе на законъ достаточнаго основанія (тамъ-же стр. 114. Все ученіе о сужденіяхъ см. тамъ-же стр. 76—129; «Краткое руководство къ логикѣ съ предварительнымъ очеркомъ психологій». Кіевъ 1844 стр. 103—117).—Н. Рождественскій говоритъ, что мы въ сужденіи или приписываемъ данному предмету или отрицаемъ у него извѣстный признакъ. Онъ указываетъ и на одно правило, въ которомъ принимается во вниманіе отношеніе между сужденіями («Руководство къ логикѣ съ предварительнымъ изложеніемъ психологическихъ свѣдѣній». 5-е изд. Спб. 1844 стр. 91—111).—«Сужденіе есть, говоритъ проф. В. Карповъ («Систематическое изложеніе логики». Спб. 1856 стр. 121), положеніе взаимнаго отношенія понятій». Въ немъ (т. е., въ сужденіи) «ясно отражается вліяніе закона противорѣчія», закона тождества (тамъ-же стр. 123). «Чтобы судить осмотрительно, онъ (т. е., разсудокъ) долженъ внимательно разобрать и взвѣсить свое понятіе

правильно раздѣлить на отдѣлы ⁴⁹²). Во всякомъ предложеніи мы относительно чего-либо нѣчто утверждаемъ или отрицаемъ ⁴⁹³).

о томъ, о чемъ намѣренъ судить... Прежде всего надобно принять за несомнѣнное, что, чего нѣтъ въ понятіи, того нельзя ожидать и въ сужденіи... и т. д. (тамъ-же стр. 124 и дальше). На такихъ правилахъ проф. В. Карповъ останавливается съ большимъ вниманіемъ. А затѣмъ онъ даетъ и подробныя предписанія, какъ, принявъ въ расчетъ достоинства данного сужденія и его отношеніе къ другому, судить о логическихъ достоинствахъ этого послѣдняго (тамъ-же стр. 158—161. Все ученіе о сужденіяхъ см. тамъ-же стр. 121—161).

Упомянемъ здѣсь и о нѣкоторыхъ изъ представителей такъ называемой метафизической логики. J. Fr. Fries думаетъ, что сужденіе есть «Erkenntniss eines Gegenstandes durch Begriffe» («System der Logik». 2-te Aufl. Heid. 1819 p. 130). Совершенны (по содержанію своему, а не по логической формѣ. Ср. выше о J. H. Fichte) только сужденія аподиктическія, всеобщія, утвердительныя, ибо только здѣсь мы имѣемъ, дѣйствительно, «die allgemeinen und nothwendigen Regeln.... Gesetze» (ibid. p. 178—179). Сужденія наши опираются на основныя логическіе законы—противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія (ibid. p. 196—202. Cp. ibid. p. 130—196).—«Urtheilen... heisst, говоритъ K. A. v. Reichlin-Meldeg, eine Vorstellung, einen Begriff, oder eine Idee durch eine andere Vorstellung, einen anderen Begriff, eine andere Idee bestimmen («System der Logik nebst Einleitung in die Philosophie». Wien 1870. II-te Abth. «System der Logik» p. 91. Cp. ibid. II-te Abth. «System der Logik» p. 91—105).—V Fr. Ueberweg'a («System der Logik und Geschichte der logischen Lehren». 5-te Aufl. Bonn 1882 p. 189) читаемъ: «Das Urtheil.... ist das Bewusstsein über die objective Gültigkeit einer subjectiven Verbindung von Vorstellungen» (Cp. ibid. p. 189—223).

Переходимъ къ послѣдователямъ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ». Ученіе о сужденіяхъ, принятое здѣсь, въ общемъ сходно съ теоріей, которую мы находимъ у приверженцевъ направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Только за критерій нормальности и ненормальности для формъ человѣческой мысли логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ», признаетъ не истинность, а лишь послѣдовательность въ мысли. А потому, если представители этого направленія говорятъ, что при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ сужденіе бываетъ правильнымъ, то они разумѣютъ подъ правильными сужденіями не сужденія, непременно согласныя съ «матеріальной правдой», а только сужденія, при которыхъ наша мысль остается вѣрной себѣ, послѣдовательной.—Основываетъ логику «формальную, въ тѣсномъ смыслѣ», какъ мы видѣли, Кантъ. Но мы уже не разъ говорили, что въ «трансцендентальной логикѣ» онъ придерживается направленія «формальнаго, въ болѣе широкомъ значеніи этого слова». Что касается высказаннаго въ «трансцендентальной логикѣ» взгляда на сужденіе, то здѣсь нужно повторить то, что мы сказали относительно Кантовскаго ученія о логической формѣ понятія (см. примѣч. 472). Въ сужденіи мы, по Канту, подводимъ представленіе подъ понятіе, пользуясь при этомъ à priori намъ данными категоріями разсудка (Imm. Kant «Kritik der reinen Vernunft». 4-te Aufl. Riga 1794 p. 92—94; ibid. p. 102—103; ibid. p. 129—139). Сужденіе представляетъ про-

Въ предложеніи идетъ обыкновенно рѣчь объ отношеніи между какими-либо двумя объектами ⁴⁹⁴). Частіе, за исключеніемъ

цессъ, при которомъ наша мысль слѣгается въ форму понятія, въ форму болѣе совершенную, чѣмъ представленіе. Разница между понятіемъ и сужденіемъ—вотъ въ чемъ. Понятіе—форма, представляющая извѣстныя логическія совершенства. Мысль, принявшая такую форму, обладаетъ нѣкоторыми совершенствами. Сужденіе есть актъ, гдѣ наша мысль, именно, такую форму принимаетъ. Сужденіе—не самая эта болѣе совершенная форма, а процесъ, при которомъ мысль наша въ такую форму вливается (дѣло идетъ, строго говоря, о формахъ *психологически*, а не *логически* совершенныхъ). Впрочемъ Кантъ въ концѣ концовъ признаетъ, что при всякихъ формахъ своихъ наша мысль, собственно, направляется по ложному пути и дѣйствительное познаніе истины для насъ невозможно. Все-же составить сужденіе значить сдѣлать по этому единственно для насъ возможному ложному пути шагъ впередъ. Во «всеобщей логикѣ», гдѣ Кантъ уже стоитъ на почвѣ направленія «формальнаго, въ тѣсномъ смыслѣ», онъ говоритъ: «Ein Urtheil ist die Vorstellung der Einheit des Bewusstseins verschiedener Vorstellungen, oder die Vorstellung des Verhältnisses derselben, sofern sie einen Begriff ausmachen» («Sämmtliche Werke», herausg. v. J. H. v. Kirchmann, 4-er Bd. Hefte 20—21. «Logik». Brl. 1869 p. 109—110. Cp. *ibid.* p. 110—124).—L. H. Jacob опредѣляетъ сужденіе, какъ «die Bestimmung des Verhältnisses mehrerer Erkenntnisse zur Einheit im Bewusstsein» («Grundriss der allgemeinen Logik und kritische Anfangsgründe der allgemeinen Metaphysik». 3-te Aufl. Frankf. u. Leipz. 1794 p. 75). Нашимъ сужденіямъ принадлежитъ «logische Wahrheit», когда они согласны съ законами тождества, противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія (*ibid.* p. 93—96. Cp. *ibid.* p. 74—98).—J. G. C. C. Kiesewetter думаетъ, что сужденіе есть «die Bestimmung des Verhältnisses mehrerer Vorstellungen zur Einheit des Bewusstseins (im Begriffe)» («Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen zum Gebrauch für Vorlesungen, begleitet mit einer weitem Auseinandersetzung für diejenigen, die keine Vorlesungen darüber hören können». I Th. 3-te Aufl. Brl. 1802. II Th. Brl. 1796. I Th. p. 49. Cp. *ibid.* I Th. p. 48). «Die formale Wahrheit der Urtheile» обуславливается, и по его мнѣнію, выполненіемъ законовъ тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго (*ibid.* I Th. p. 68—70. Cp. *ibid.* I Th. p. 48—75; *ibid.* I Th. «Weitere Auseinandersetzung des Abrisses einer reinen allgemeinen Logik» p. 151—252).—По J. Fr. Herbartу, сужденіе представляетъ «Verbindung von Begriffen» («Sämmtliche Werke», herausg. v. Hartenstein. Bd. I. «Schriften zur Einleitung in die Philosophie». Leipz. 1855. «Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie» p. 91. Cp. *ibid.* «Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie» p. 91—106).—Какъ утверждаетъ Ed. Trummer, мы въ сужденіи опредѣляемъ «die Uebereinstimmung zweier Vorstellungen oder Begriffe» («Lehrbuch der Logik». Wien 1861 p. 32—33). Чтобы получить правильное сужденіе, необходимо рассмотреть, дѣйствительно-ли понятіе, которое должно составлять субъектъ, заключаетъ въ себѣ понятіе, которое является въ сужденіи предикатомъ (*ibid.* p. 34). Ed. Trummer предлагаетъ (*ibid.* p. 46—48) цѣлый рядъ правилъ, гдѣ принято въ расчетъ отношеніе между двумя сужденіями (напримѣръ: «Wenn das allgemeine oder subalternirende wahr ist, ist auch das

предложеній чисто словесныхъ, гдѣ дѣло идетъ лишь о томъ, чтобы разъяснить значеніе названій (напримѣръ, если человѣкъ,

besondere oder subalternirte wahr. Cp. *ibid.* p. 32—48).—«Sowohl das in den Begriffen vereinigte Mannigfaltige und seine Verhältnisse, als auch die Verhältnisse der Begriffe zu einander zum Bewusstsein zu bringen ist die Aufgabe der Urtheile», читаемъ мы у М. W. Drobisch'a въ его: «Neue Darstellung der Logik» (4-te Aufl. Leipz. 1875 p. 11. Cp. *ibid.* p. 45). Въ § 57—63 (*ibid.* p. 62—72) идетъ у него рѣчь «von den formalen Bedingungen der Giltigkeit der Urtheile». «Die allgemeine Forderung, dass jedes auf Giltigkeit Anspruch machende Urtheil einer logischen Rechtfertigung, eines (unmittelbaren oder mittelbaren) Nachweises, warum es giltig ist, bedarf, heisst der Satz vom zureichenden Grunde». При опредѣленіи достоинствъ каждаго сужденія, отдѣльно взятаго, имѣетъ значеніе принципъ тождества, а когда мы опредѣляемъ логическія достоинства даннаго сужденія на основаніи его отношенія къ другому, мы должны руководствоваться принципами противорѣчія и исключеннаго третьяго (cp. *ibid.* p. 11—13; *ibid.* p. 45—84).—По ученію К. V. Stoy, мы въ сужденіи соединяемъ два понятія («Philosophische Propädeutik. Erste Abth. Die philosophischen Probleme und die Logik». Leipz. 1869 p. 23). «Логика должна установить законы, по которымъ образуются сужденія правильныя» (*ibid.* p. 24). Правильность сужденія обуславливается соблюденіемъ основныхъ логическихъ законовъ: тождества, противорѣчія и исключеннаго третьяго (*ibid.* p. 26—27). Впрочемъ изъ общаго ученія о понятіяхъ также вытекаютъ нѣкоторые правила (если понятію *A* приписывается признакъ *B*, то это утвержденіе можетъ оставаться въ силѣ по отношенію ко всему объему понятія *A* и т. д. См. *ibid.* p. 27—28). Наконецъ, К. V. Stoy даетъ нѣсколько предписаній, гдѣ имѣется въ виду отношеніе сужденій одного къ другому (изъ всеобщихъ противорѣчныхъ сужденій одно должно быть истиннымъ, другое—ложнымъ и т. д. *Ibid.* p. 31—32. Cp. *ibid.* p. 23—31).—«Das Urtheil ist, говоритъ G. Hegemann, die unmittelbare Bestimmung eines Begriffes durch andere» («Elemente der Philosophie. I. Logik und Noetik». 5-te Aufl. Freib. i. Br. 1887 p. 36). Послѣдній указываетъ правила для категорическихъ, гипотетическихъ и раздѣлительныхъ сужденій, а также для сужденій ассерторическихъ, аподиктическихъ и проблематическихъ (*ibid.* p. 37—44). Кромѣ того мы у него находимъ логическія предписанія, гдѣ принято въ расчетъ отношеніе между сужденіями (*ibid.* p. 44—47. Cp. *ibid.* p. 36—51).—Правильность «der erzählenden Urtheile», т. е. такихъ сужденій, въ которыхъ субъектомъ является представленіе, приуроченное къ чему-либо единичному, обуславливается, говоритъ Chr. Sigwart («Logik. I Bd. Die Lehre vom Urtheil, vom Begriff und vom Schluss». 2-te Aufl. Freib. i. B. 1889 p. 63), соблюденіемъ «des Principes der Einstimmigkeit» (*ibid.* p. 98—112). То правило, что изъ двухъ противорѣчныхъ сужденій одно непременно должно быть истиннымъ, другое—ложнымъ, сводится въ концѣ концовъ къ логическому закону противорѣчія (*ibid.* p. 182—194). Какъ-бы указывающее намъ смыслъ всякаго отрицанія добавленіе къ этому принципу представляетъ законъ исключеннаго третьяго (*ibid.* p. 194—204). Для гипотетическихъ сужденій Chr. Sigwart оставляетъ въ силѣ законъ, который, какъ онъ утверждаетъ, установилъ еще Аристотель: «Mit dem Grunde ist die Folge gesetzt, mit der Folge der Grund aufgehoben» (*ibid.* p.

который въ привидѣнія не вѣрить, скажетъ: «Привидѣніе есть духъ, не имѣющій тѣла»⁴⁹⁵), мы въ предложеніяхъ утверждаемъ или отрицаемъ, полагаетъ Джонъ Стюартъ Милль, или бытіе, или послѣдовательность, или сосуществованіе, или связь причины со слѣдствіемъ, или, наконецъ, сходство⁴⁹⁶). Изъ этого перечисленія Бенъ⁴⁹⁷) только исключаетъ «бытіе», а «сходство» замѣняетъ «равенствомъ» (equality or inequality). Бенъ называетъ эти предложенія «propositions of quantity». Такова номиналистическая теорія предложеній у позднѣйшихъ приверженцевъ индуктивной логики Джона Стюарта Милля⁴⁹⁸) и Бена⁴⁹⁹).

Разсмотримъ это ученіе, съ точки зрѣнія логики формальной. Мы тогда легко опредѣлимъ его отношеніе къ теоріи

245—255; *ibid.* p. 284—297. *Cp. ibid.* p. 309—315).— «Сужденіе, говоритъ É. L. Rabier, есть утвержденіе извѣстнаго отношенія между двумя вещами» (*Leçons de philosophie. II. Logique*. 2-me éd. Par. 1888 p. 11), но логика (т. е., логика «формальная, въ тѣсномъ смыслѣ») принимаетъ при разборѣ сужденій въ расчетъ только идеи наши, а не вещи (*ibid.* p. 22), отношеніе между понятіями, а не предметами. Ниже мы у него читаемъ: «Логическое правило...: то, что истинно относительно рода, истинно относительно вида, но не наоборотъ» (*ibid.* p. 25) Правильность сужденія, «l'accord de la pensée avec elle-même dans le jugement» (см. тамъ-же заглавіе III главы) обусловливается выполненіемъ законовъ тождества и противорѣчія (*ibid.* p. 31—35. *Cp. ibid.* p. 11—31).

⁴⁸⁹) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 55—57.

⁴⁹⁰) *Ibid.* book I p. 55.

⁴⁹¹) *Ibid.* book I p. 12—13.

⁴⁹²) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 100.

⁴⁹³) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 12—13; *ibid.* book I p. 49—51.

⁴⁹⁴) Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 44; *ibid.* part I p. 67.

⁴⁹⁵) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 70—76; Al. Bain «Logic». P. I—II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 66—77.

⁴⁹⁶) У Милля *ibid.* book I p. 55—76.

⁴⁹⁷) У Бена *ibid.* part I p. 100—107.

⁴⁹⁸) Всю теорію предложеній см. у Джона Стюарта Милля *ibid.* book I p. 12—13; *ibid.* book I p. 49—76. *Cp. ibid.* book I p. 76—101.

⁴⁹⁹) Всю теорію предложеній см. у Бена *ibid.* part I p. 66—77; *ibid.* part I p. 100—107. *Cp. ibid.* part I p. 42—47; *ibid.* part I p. 78—100; *ibid.* part I p. 107—131; *ibid.* part II p. 153—170.

суждений, принятой у представителей формального направления въ нашей наукѣ. Будемъ держаться того пути, который мы избрали, когда рѣчь шла относительно номиналистическаго ученія о названіяхъ, въ противоположность теоріи понятій.

Формальная логика имѣетъ цѣлью указать особенности нормальной мысли. Если такъ смотрѣть на науку логики, теорія суждений окажется теоріей логической, тогда какъ ученіе о предложеніяхъ придется признать только за психологическій анализъ извѣстнаго ряда явленій,—правда, анализъ явленій, важныхъ для логики, но все-же лишь психологическій анализъ, а не логическую теорію.

Мы видѣли, что формальная логика разсматриваетъ сужденіе, какъ особый актъ мысли,—актъ, предполагающій возможность ошибокъ. Такъ какъ сужденіе—такой актъ, при которомъ наша мысль можетъ оказаться и неправильной, такъ какъ форма сужденія, сама по себѣ, не гарантируетъ нормальности нашей мысли, то можно сказать, что сужденіе, само по себѣ, представляетъ лишь форму психологическую, а не психологическую и притомъ логическую. Сужденіе есть актъ мысли. А потому мы можемъ его назвать формой психологической; но сужденіе, само по себѣ, не является гарантіей мысли нормальной. Сужденія могутъ заключать въ себѣ ошибки. Въ виду этого нельзя утверждать, будто сужденіе является формой для мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной, будто сужденіе, само по себѣ, уже форма логическая. Но приверженцы формальной логики не останавливаются на томъ, чтобы говорить только вообще о формѣ сужденія. Они стараются рѣшить, когда сужденіе правильно и когда нѣтъ, какъ отличить правильное сужденіе отъ неправильнаго, хотятъ установить особыя формы для суждений правильныхъ,—формы, которыя гарантировали-бы намъ мысль нормальную, формы, которыя, на самомъ дѣлѣ, должны оказаться формами логическими. Форма понятія, сама по себѣ, представляетъ форму не только психологическую, но и логическую, не форму, въ которую лишь вообще можетъ вливаться мысль наша, а такую форму, въ которую складывается, именно, мысль нормальная. Относительно сужденія этого сказать нельзя. Сужденіе—форма только психологиче-

ская.—форма, въ которую можетъ вливаться всякая мысль, какъ нормальная, такъ и ненормальная. Но формальная логика вырабатываетъ правила, которыя слѣдуетъ выполнять при составленіи сужденій, чтобы избѣгать ошибокъ. Сужденіе въ такомъ его видѣ, какой оно принимаетъ, когда мы придерживаемся подобныхъ предписаній, является уже формой исключительно для мысли нормальной, формой логической.

Впрочемъ могло-бы казаться, что мы принятую въ формальной логикѣ теорію сужденій характеризуемъ недостаточно полно. Возьмемъ любое сочиненіе по логикѣ съ направленіемъ формальнымъ. Въ томъ отдѣлѣ, который посвященъ разсмотрѣнію вопроса о сужденіи, можно напередъ сказать, всего больше мѣста отводится раздѣленію сужденій по группамъ ⁵⁰⁰). Между тѣмъ мы подобное дѣленіе какъ-бы игнорируемъ. Но дѣло въ томъ, что намъ нужно опредѣлить только основную цѣль, основную задачу этой теоріи. А основной характеръ всего того, что представители формальной логики говорятъ о сужденіяхъ, на самомъ дѣлѣ, не измѣняется, составлено-ли подобное раздѣленіе такъ или иначе. Сужденіе, говоримъ мы, само по себѣ, еще не есть форма логическая; это—форма психологическая только. Ученіе о сужденіяхъ становится логической теоріей, лишь благодаря тому, что здѣсь разсуждаютъ еще о различіи между сужденіями правильными и неправильными, о томъ, какъ составлять сужденія правильныя и какъ отличить правильное сужденіе отъ неправильнаго,—словомъ, благодаря тому, что тутъ трактуютъ не только о формѣ сужденія вообще, но также, частіе, о логической формѣ сужденія. Между тѣмъ во всѣхъ тѣхъ многосложныхъ раздѣленіяхъ, которыя обыкновенно предлагаютъ послѣдователи формальнаго направленія въ нашей наукѣ, распределяются по разрядамъ не логическія только формы сужденій, а сужденія всякаго рода, не сужденія, въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они должны непременно оказаться правильными, а сужденія всякія, какъ правильныя, такъ и неправильныя. Такимъ образомъ раздѣленіе сужденій представляетъ не распредѣленіе логическихъ формъ мысли по группамъ, а классификацію формъ психологическихъ, — психологическихъ формъ, принадлежащихъ къ извѣстному

⁵⁰⁰) См. въ сочиненіяхъ различныхъ представителей формальной логики мѣста, указанныя въ примѣч. 488-омъ.

порядку, разнаго рода психологическихъ формъ сужденія⁵⁰¹). Если намъ, напимѣрь, говорятъ, что бываютъ сужденія категорическія, гипотетическія и раздѣлительныя, — это вовсе не значитъ, будто только правильныя сужденія распадаются на такія группы. Категорическія сужденія, т. е. такія, гдѣ предикатъ приписывается субъекту или отрицается прямо, а не при извѣстныхъ вѣшнихъ условіяхъ (какъ въ сужденіяхъ гипотетическихъ), — категорическія сужденія могутъ быть иногда правильными, иногда логически неправильными. Повторяемъ, раздѣляютъ приверженцы формальнаго направленія, на самомъ дѣлѣ, не логическія формы сужденія, а его формы психологическія. Но скажемъ нѣсколько словъ относительно такъ называемаго раздѣленія сужденій по модальности. Сужденіе называютъ ассерторическимъ, если мы утверждаемъ такое отношеніе между субъектомъ и предикатомъ, въ *дѣйствительномъ существованіи* котораго (т. е., отношенія) мы убѣдились, аподиктическимъ, когда мы увѣрены въ томъ, что данное отношеніе между субъектомъ и предикатомъ *необходимо должно* имѣть мѣсто, и проблематическимъ, гдѣ дѣло идетъ о такомъ отношеніи, которое (т. е., отношеніе) представляется намъ лишь *возможнымъ*. Могло-бы казаться, будто это раздѣленіе проводить границу между сужденіями правильными и неправильными, будто мы здѣсь, такъ сказать, имѣемъ раздѣленіе психологическихъ формъ сужденія на формы, обеспечивающія нормальную мысль, и формы, которыя мысли нормальной намъ не гарантируютъ, — раздѣленіе психологическихъ формъ, если можно такъ выразиться, на формы логическія и не-логическія (только лишь психологическія). Дѣленіе тогда приняло-бы слѣдующую форму: ассерторическія и не-ассерторическія, аподиктическія и не-аподиктическія сужденія). Но и подобное мнѣніе нельзя было-бы оставить въ силѣ⁵⁰²). Такое раздѣленіе сужденій имѣетъ въ виду вовсе не различіе между формами нормальной мысли и формами мысли ненормальной. Аподиктическія и ассерторическія сужденія могутъ быть и неправильными, съ точки зрѣнія логики. Въ ассерторическомъ сужденіи мы утверждаемъ извѣстное отношеніе между субъектомъ и предикатомъ съ увѣренностью, что такое отношеніе существуетъ, на самомъ дѣлѣ. Но мы можемъ данному субъекту приписать извѣстный предикатъ, будучи вполнѣ убѣждены, что послѣдній этому субъекту, дѣйстви-

⁵⁰¹) Ср. что сказано выше о Herm. Lotze, J. H. Fichte и др. (примѣч. 488).

⁵⁰²) Ср. примѣч. 488-е.

тельно, принадлежить, и все-же при этомъ ошибиться. Сама по себѣ, форма сужденія ассерторическаго, само по себѣ, то обстоятельство, что мы приписываемъ данному субъекту извѣстный предикать, именно, съ увѣренностью, будто предикать этотъ, дѣйствительно, нашему субъекту принадлежить, еще не гарантируетъ насъ отъ ошибокъ. Когда мы говоримъ: такой-то человѣкъ высказалъ сужденіе ассерторическое,—это еще не значитъ, что онъ составилъ сужденіе логически правильное. Это значитъ только, что онъ самъ увѣренъ въ его истинности; а въ дѣйствительности, сужденіе это можетъ оказаться и ложнымъ. То-же нужно сказать и о сужденіяхъ аподиктическихъ. Здѣсь мы утверждаемъ извѣстное отношеніе между субъектомъ и предикатомъ, полагая, что такъ необходимо должно быть. Характерная особенность подобнаго сужденія заключается въ томъ, что мы, составляя его, убѣждены, будто данное отношеніе между субъектомъ и предикатомъ должно имѣть мѣсто. Но опять таки можетъ оказаться, что мы, на самомъ дѣлѣ, ошибаемся и сужденіе наше ложно. Форма аподиктическаго сужденія, подобно формѣ сужденія ассерторическаго, сама по себѣ, не является гарантіей мысли нормальной. Это—форма психологическая и психологическая только, а не форма логическая и притомъ логическая. Итакъ, въ тѣхъ раздѣленіяхъ сужденій, которыя мы обыкновенно находимъ у представителей формальной логики, распределяются по группамъ формы психологическія только, а не логическія. Между тѣмъ мы, какъ сказано, имѣемъ въ виду основную цѣль, основную задачу теоріи сужденій. Мы видимъ прежде всего, что сужденіе, само по себѣ, является лишь формой психологической, а не логической. Но логика далѣе выдѣляетъ сужденія правильныя, такія сужденія, которыя оказываются не только формами психологическими, но и—логическими. Ко всему этому обыкновенно прибавляютъ весьма обширно разработанную классификацію психологическихъ формъ сужденія. Понятно, что для насъ, когда мы хотимъ сдѣлать общую характеристику теоріи сужденій и, именно, теоріи сужденій, какъ теоріи, которая входитъ въ составъ логики, подобная классификація не имѣетъ особой цѣны. Вотъ почему мы и не обращаемъ на раздѣленіе сужденій особаго вниманія, да и при дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи будемъ касаться его, развѣ лишь вскользь. Мы не хотимъ сказать, что то раздѣленіе сужденій, надъ которымъ такъ много работаютъ приверженцы формальной логики, не имѣетъ научнаго значенія. Мы даже не утверждаемъ, будто эта классификація не имѣетъ значенія для науки

логики. Быть может, составить это раздѣленіе для логики и важно; быть может, послѣднее создастъ извѣстныя удобства при обзорѣ ній формъ правильного сужденія и различныхъ видовъ силлогистическаго умозаключенія. Но значенія *непосредственнаго* для нашей науки подобная классификація имѣть не можетъ. Вопросовъ, которые относились-бы, *собственно*, къ логикѣ, мы, составляя такое дѣленіе, не рѣшаемъ, и распредѣляемъ мы здѣсь формы не логическія, а психологическія только. Но возвратимся къ нашему вопросу.

Итакъ, теорія сужденій оказывается теоріей логической. Между тѣмъ номиналистическое ученіе о предложеніяхъ—все не логическая теорія,—если этотъ послѣдній терминъ, терминъ «логическій», понимать въ томъ значеніи, какое, по крайней мѣрѣ, должны были-бы придавать ему приверженцы формальнаго направленія въ нашей наукѣ. Формальная логика задается цѣлью опредѣлить особенности нормальной мысли. Здѣсь разсматриваютъ разнаго рода формы, акты мысли и указываютъ, чѣмъ при этихъ актахъ отличается мысль правильная отъ неправильной, какими особенностями характеризуются процессы, гдѣ наша мысль остается нормальной. Между тѣмъ въ теоріи предложеній представители индуктивной логики (Джонъ Стюартъ Милль) прямо отказываются касаться вопроса о томъ, какой актъ мысли имѣетъ мѣсто, когда мы составляемъ предложеніе. Такимъ образомъ объ особенностяхъ мысли нормальной,—въ отличіе отъ ненормальной, тутъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи уже въ виду того обстоятельства, что теорія эта и не стремится разсмотрѣть такіе или иные процессы мысли. Ученіе о предложеніяхъ не есть теорія логическая. Весь интересъ и вся задача здѣсь сводятся къ тому, чтобы анализировать *содержаніе* предложеній. Ученіе о предложеніяхъ представляетъ не логическую теорію, а только анализъ содержанія предложеній. А какимъ образомъ можно анализировать содержаніе предложеній? Очевидно, для этого необходимо разсмотрѣть содержаніе тѣхъ мыслей, которыя мы въ предложеніяхъ выражаемъ, необходимо, можемъ мы въ болѣе общей формѣ сказать, анализировать наши мысли. Въ виду этого такой анализъ можно назвать анализомъ психоло-

гическимъ. Ученіе о предложеніяхъ, въ противоположность теоріи сужденій,—не логическая теорія, а только психологическій анализъ содержанія предложеній.

О томъ, что анализъ языка имѣетъ для логики извѣстное значеніе, мы уже говорили. Въ виду этого и представители формальнаго направленія, не разрабатывая, правда ученія о предложеніяхъ въ духѣ номинализма, все-же часто считаютъ нужнымъ трактовать о предложеніяхъ⁵⁰³). Но разсмотрѣть содержаніе предложеній важно еще потому, говоритъ Джонъ Стюартъ Милль⁵⁰⁴), что мы такимъ образомъ будемъ знать, какіе вопросы могутъ быть выставлены для разрѣшенія. Индуктивную логику мы тогда правильно раздѣлимъ на отдѣлы, какъ-бы поясняетъ эту мысль Бенъ⁵⁰⁵). Иными словами мы могли-бы сказать: если разсмотримъ, каково бываетъ содержаніе предложеній, мы тѣмъ самымъ опредѣлимъ, какого рода вопросы вообще можно поставить; быть можетъ, разнымъ вопросамъ соотвѣтствуютъ и различные пути мысли, различные методы изслѣдованія, различные логическіе приемы; мы будемъ имѣть возможность правильно раздѣлить логику на части; система логики окажется у насъ правильно распределенной и будетъ отличаться соотвѣтствующей полнотой; всѣ отдѣлы, которые должны входить въ нашу систему, мы и найдемъ здѣсь, дѣйствительно, и притомъ границы между отдѣлами проведемъ правильно; классификація предложеній можетъ служить путеводною нитью при распределеніи вопросовъ логики по разрядамъ; классификація эта доставляетъ намъ нѣкоторыя удобства при разсмотрѣніи вопросовъ науки логики. Но анализъ содержанія предложеній лишь создаетъ извѣстныя удобства при разработкѣ логики, а логической теоріи, самъ по себѣ, все-же не представляетъ. Да и Милль, какъ мы выше говорили, смотритъ на ученіе о названіяхъ и предложеніяхъ, не какъ на особый отдѣлъ нашей науки, а только какъ на

⁵⁰³) См. въ сочиненіяхъ различныхъ представителей формальнаго направленія мѣста, указанныя въ примѣч. 488-омъ.

⁵⁰⁴) См. примѣч. 491-е.

⁵⁰⁵) См. примѣч. 492-е.

подготовку къ логикѣ ⁵⁰⁶). Итакъ, теорія сужденій—теорія логическая; ученіе о предложеніяхъ—не логическая теорія, а только психологическій анализъ явленій, для логики, правда, представляющихъ извѣстный интересъ,—анализъ, который, быть можетъ, обезпечиваетъ нѣкоторыя удобства при разработкѣ вопросовъ нашей науки.

Мы пришли къ заключенію, что теорія сужденій—теорія логическая, тогда какъ ученіе о предложеніяхъ—не логическая теорія, а психологическій анализъ извѣстнаго ряда явленій. Дальше намъ опять таки придется *mutatis mutandis* повторить то, что мы говорили по поводу номиналистической теоріи названій и принятаго въ формальной логикѣ ученія о понятіяхъ.

Быть можетъ, отчасти въ силу традицій, которыя остаются еще со временъ средневѣковаго номинализма, ученіе о предложеніяхъ обыкновенно противопоставляютъ теоріи сужденій. Последнюю какъ-бы опровергаютъ и стараются замѣнить ученіемъ о предложеніяхъ. И такой тенденціи, повидимому, не исполнѣ чуждъ и Джонъ Стюартъ Милль ⁵⁰⁷). Но анализъ предложеній такъ-же мало опровергаетъ теорію сужденій, какъ номиналистическое ученіе о названіяхъ—теорію понятій. Какъ мы уже говорили, вообще психологическій анализъ лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можетъ, дѣйствительно, являться опроверженіемъ какой-бы то ни было логической теоріи. Надо, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, анализировали тѣ логическія формы, которыя намъ рекомендуютъ. Но даже и этого въ данномъ случаѣ нѣтъ. Разсматривая содержаніе предложеній, мы, нечего и говорить, не подвергаемъ анализу логической формы правильного сужденія,—формы, которую указываютъ намъ представители формальнаго направленія въ нашей наукѣ. Теорія предложеній и теорія сужденій посвящены вопросамъ различнымъ. Въ формальной логикѣ идетъ дѣло объ извѣстныхъ про-

⁵⁰⁶) J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 12 — 13. Cp. Al. Bain «Logic». P. I — II. 2 ed. Lond. 1873 part I p. 42—46.

⁵⁰⁷) См. J. St. Mill «A system of logic rationative and inductive». People's ed. Lond. 1889 book I p. 55—57.

цессахъ мысли. Логика индуктивная, предлагая анализъ предложений, трактуетъ объ ихъ содержаніи—содержаніи рѣчи, *содержаніи* нашихъ мыслей, а не о *формахъ* или *актахъ* мысли. Правда, результаты, къ которымъ мы приходимъ послѣ разныхъ операций мысли, обыкновенно находятъ себѣ выраженіе въ языкѣ, въ предложеніяхъ. Но говорить о предложеніяхъ и говорить о такихъ или иныхъ процессахъ мысли—не одно и то-же. Какъ-бы ни были близки объекты, о которыхъ трактуетъ теорія сужденій, съ одной стороны, и ученіе о предложеніяхъ, — съ другой, все-же эти двѣ теоріи рассматриваютъ вопросы различные. Итакъ, ученіе о предложеніяхъ не опровергаетъ теоріи сужденій. Но въ такомъ случаѣ одна теорія и не можетъ занять мѣсто другой. Мы видѣли, что говорить, будто психологическій анализъ замѣняетъ ту или другую логическую теорію, сколько-нибудь возможно лишь тогда, когда такой анализъ представляетъ опроверженіе данной теоріи. Между тѣмъ этого относительно разобраннаго нами случая сказать нельзя. Ученіе о предложеніяхъ—психологическій анализъ; теорія сужденій—логическая теорія; ученіе о предложеніяхъ не опровергаетъ и не можетъ замѣнить теорію сужденій.

Теоріи эти могутъ даже стоять рядомъ. Можно, оставаясь послѣдовательнымъ, принять и ту, и другую. Можно анализировать содержаніе предложений, классифицировать ихъ, съ этой точки зрѣнія, и такимъ образомъ создать себѣ, положимъ, извѣстныя удобства при разсмотрѣніи вопросовъ логики, а послѣ подобнаго анализа начать разсуждать о процессахъ мысли, при которыхъ мы приходимъ къ извѣстнымъ утвержденіямъ, и показать, когда наша мысль протекаетъ логически правильно и когда мы допускаемъ ошибки: можно, разсмотрѣвъ въ логикѣ въ видѣ какого-то введенія теорію предложений, перейти затѣмъ къ теоріи сужденій, отнюдь не допуская при этомъ непоследовательности⁵⁰⁸). Впрочемъ мы и здѣсь такъ-же, какъ тогда, когда говорили о теоріи понятій и номиналистическомъ ученіи

⁵⁰⁸) Мы уже говорили, что приверженцы формальной логики обыкновенно и разсуждаютъ, дѣйствительно, о предложеніяхъ, хотя эти разсужденія носятъ у нихъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ у представителей логики индуктивной.